

Вячеслав Каликинский

АГАСФЕР

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА
ТОМ II

Агасфер

Вячеслав Каликинский

**Агасфер. Вынужденная
посадка. Том II**

«1С-Публишинг»

2022

Каликинский В. А.

Агасфер. Вынужденная посадка. Том II / В. А. Каликинский — «1С-Паблишинг», 2022 — (Агасфер)

Вячеслав Александрович Каликинский – журналист и прозаик, автор исторических романов, член Союза писателей России. Серия книг «Агасфер» – это пять увлекательных шпионских ретродетективов, четыре из которых посвящены работе контрразведки в России конца XIX – начала XX века. Действие последнего, пятого, происходит уже ближе к нашей современности, являясь, по сути, сиквелом основной ветки с другими героями. Завершается Вторая мировая война. Япония капитулирует и сдаёт победителям всё имеющееся оружие, даже коллекцию древних мечей, символизирующую боевой дух империи. Самолёт, доставляющий раритет на американский крейсер, из-за сложных погодных условий совершает вынужденную посадку на Сахалине, где пилоты прячут ценный груз. Но их самих захватывает остаточная группа японских солдат. След коллекции теряется. Проходит много лет, и её начинают искать, чтобы вывезти из России. Однако в игру, которую ведут различные стороны, неожиданно вмешивается историк и писатель Андрей Берг, японский подданный с русскими корнями. Знакомая фамилия для тех, кто читал предыдущие книги серии. Читайте второй том завершающей истории «Агасфера».

© Каликинский В. А., 2022

© 1С-Паблишинг, 2022

Содержание

Глава седьмая	6
19	6
20	15
21	24
Ретроспектива-7 (октябрь 1963 года)	34
Глава восьмая	42
22	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вячеслав Каликинский
Агасфер. Вынужденная посадка. Том 2
Вячеслав Каликинский

* * *

Глава седьмая

19

Семен стукнул в дверь гостиной и тут же просунулся следом с трубкой внутреннего телефона отеля в руке:

– Владислав Николаевич, от портье звонят: к вам какой-то посетитель от мистера Джеймса. Пропускать?

Абвер, не отрывая глаз от монитора ноутбука, кивнул головой:

– Проводи посетителя ко мне. Обыскивать его не нужно. И торчать за его спиной тоже. Покарауль снаружи, Семен, о'кей?

– Напрасно беспокоитесь, Владислав Николаевич, – хмыкнул телохранитель. – Я ведь французскому языку только обучен, все равно не пойму ваших секретов на английском...

Абвер нетерпеливо мотнул головой, демонстрируя свою занятость и нежелание отвлекаться по пустякам. Хотя здесь, в пентхаусе пятизвездочного отеля Fairmont, в просторной гостиной с камином, в настоящий момент он всего лишь убивал время, осваивая новую сетевую игру. Освоение шло неважно: игра требовала мгновенной реакции и «размятых» пальцев, а с этим у Абвера нынче был напряг. Ну, вот, так и есть: стоило только на мгновение поднять глаза на Семена, и электронный противник за какую-то долю секунды успел поразить последнюю жизнь игрока...

Ладно, вздохнул Абвер. Ладно, все равно посетитель пришел. А Семен просто выполнил одну из своих обязанностей.

Часть полупрозрачной стены, отделяющей гостиную от прочего жизненного пространства Cambridge Suit, снова отъехала в сторону, и Семен пропустил посетителя – американца лет сорока, спортивного вида и в неброском костюме. Не вставая с кресла, Абвер показал рукой на обширный диван напротив.

– Мистер Самсонофф? Позвольте представиться: меня зовут Руди, я от мистера Джеймса...

– Присаживайтесь, Руди, – Абвер говорил по-английски почти без акцента, только медленно, подбирая слова. – Вы что-то принесли мне?

– Да, мистер Самсонофф. Но прежде чем перейти к делу, я хотел бы убедиться, что разговариваю именно с тем человеком, к кому шел, – Руди вынул из кармана похожий на обычный с виду айфон сканер и положил его на столик перед Абвером. – Будьте добры, приложите к стеклу большой палец правой руки, сэр!

Абвер хмыкнул, выполнил просьбу и переправил «айфон» обратно к посетителю. Руди включил прибор, несколько мгновений рассматривая гирлянду светодиодов на мониторе, затем кивнул и спрятал сканер.

– Все в порядке, сэр. Извините за небольшую предосторожность – я всего лишь выполняю инструкцию, – говоря, посетитель проворно разгружал небольшую сумку на наплечном ремне.

Посетитель был представителем компании Global STF, специализировавшейся на спутниковых системах. Компания работала на правительство США, имела несколько оборонных подрядов, но не обладала репутацией достаточно надежного партнера – именно за выполнение заказов «на сторону». Собственно, как и в настоящую минуту, усмехнулся про себя Абвер. Вывел его на Global STF швейцарский знакомец, Ризенталь.

Руди тем временем включил принесенный ноутбук, подсоединил в нему извлеченный из сумки спутниковый телефон и внешний жесткий диск большого объема и взглянул на хозяина:

– Для того чтобы вы смогли убедиться в эффективности и работоспособности нашей системы, дайте мне, пожалуйста, географические координаты любой точки на территории России, мистер Самсонофф!

– Момент! – Абвер закрыл на своем ноутбуке игру, пощелкал клавиатурой и развернул монитор к посетителю. – Вот эта точка, скажем!

Руди перенес данные с компьютера хозяина на принесенный с собой ноутбук, включил спутниковый телефон и набрал на его клавиатуре команду. Снова склонился над ноутбуком, необычайно ловко манипулируя мышкой и клавишами одновременно.

– Вообще-то это пустынный, без признаков жилья, уголок восточного побережья острова у края Азиатского материка, сэр, – заметил он. – Вы уверены, что вам нужно именно это место?

– Уверен, Руди! – Абвер кинул взгляд на часы, поморщился, прикидывая разницу в часовых поясах. – Но мне сказали, что ваша «игрушка» способна самостоятельно находить тепловые объекты массой свыше сорока килограммов!

– Совершенно верно, сэр! Включаю поиск – если на этом берегу кто-то есть, сейчас мы его увидим...

Он снова пробежался клавишами и удовлетворенно прищелкнул пальцами:

– Есть, сэр! Картинка хорошая – вам повезло, сэр! Вообще-то спутники, к которым обращается с вопросами наша «крошка», имеют геостационарную орбиту – то есть висят над заранее определенным участком земли на высоте примерно сто семьдесят миль над поверхностью. У нас есть возможность подключаться и к спутникам, которые перемещаются над заданной территорией – правильнее, конечно, сказать, что это земной шар перемещается под этими спутниками. Но в этом случае нам пришлось бы ждать, пока нужная точка окажется в зоне видимости из космоса. Взгляните сами, сэр!

Посетитель пододвинул ноутбук заказчику. Абвер склонился над монитором, покрутил головой и лишь спросил:

– Можно ли дать большее увеличение объекта?

– С помощью этих клавиш, сэр, – показал Руди. – Видите? Люди сидят у костра, в руках у одного из них... Погодите-ка...

– Вот паразит... Я же просил его – никаких компаньонов! Извините, Руди, это претензия не к вам, – спохватился Абвер.

Словно зачарованный, он наблюдал, как две крохотные подвижные точки, отмеченные красными кружками, начинают «расти» – словно толчками. Увеличившись в размере, фигуры теряли резкие очертания, словно расплывались. Через несколько секунд белая рамка кадра по периметру экрана «суживалась» вдвое, и в ее границах расплывчатые тени вновь обретали четкость, а «тени» становились четко очерченными фигурками двух людей. Постепенно эти фигуры заполнили почти весь экран монитора. Абвер ясно видел, что один из них сидел на полотняном складном стульчике, а второй полусидел-полулежал прямо на камнях. В одной руке у него была какая-то бумага, второй он жестикулировал. Наблюдатели ясно видели, что на макушке человека с бумагой в руке четко просвечивает небольшая лысина.

Абвер, не сдержавшись, с изумлением покрутил головой и откинулся на спинку кресла:

– Вот это техника! Слушайте, над ними, вероятно, безоблачное небо, Руди? Видимость такая, будто я наблюдаю за ними с балкона третьего этажа!

– Сейчас посмотрим, – посетитель вывел на угол монитора дополнительное окошко, увеличил его до четверти экрана и показал заказчику. – Практически сплошная облачность, сэр! Пасмурно. Но для «электронного глаза» спутника и его оптической системы ни облаков, ни темноты не существует!

– Да, ваша игрушка работает превосходно! Я покупаю это, мистер!

– О'кей, мистер Самсонофф! Хотя, справедливости ради, должен заметить, что компания Global STF не причастна к разработке всех продемонстрированных вам «чудес». Мы лишь

компонуем уже созданные высочайшие технологии, объединяем их в одну систему, «связываем», учим работать вместе. Ну, а в вашем случае – лишь обеспечиваем вам параллельный и незаметный доступ к этим технологиям. Однако перед тем, как вы мне передадите чек на оговоренную сумму, хотел бы кое о чем сказать, сэр...

Суть разъяснений посетителя сводилась к следующему. Благодаря программе, разработанной специалистами-компьютерщиками Global STF, система обрела способность через спутниковый телефон военного назначения «деликатно», без ведома правительственных хозяев спутников связи, подключаться к ним. И столь же «деликатно» получать копию визуальной информации, передаваемой со спутников на Землю. Система проникновения, обеспеченная паролями доступа 128-битной защищенности, обеспечивала запросы и ответы на них примерно с восьмидесяти спутников военного ведомства США и НАТО, объединенных в глобальную сеть наблюдения над территориями потенциального противника. Причем операторы спутниковых систем наблюдения в Пентагоне и предположить не могли, что кто-то может «подглядывать через их плечо».

Ноутбук, по словам Руди, сам по себе не имел никакой дополнительной электронной начинки, способной вызвать подозрения при пересечении государственных границ. Вполне обычный ноутбук стандартной комплектации, в котором лишь опытейший специалист, да и то при условии подсказки, мог обнаружить дополнительное программное обеспечение, тщательно замаскированное в обычных предустановках. Спутниковый телефон, обеспечивающий связь с космическими объектами, передающий на них команды и через который на ноутбук «спускалась» информация «сверху», также был «пересажен» в корпус телефона, открыто продающегося в магазинах. Он не мог вызвать на таможне никаких вопросов даже при условии, что его начнет исследовать «натасканный» специалист. Основная начинка для нелегальной работы со спутниками, включая сюда пароли доступа, содержалась во внешнем жестком диске. Однако и эту дополнительную начинку специалисты Global STF ухитрились внедрить в скрытое «двойное электронное дно».

Руди показал покупателю специальную сим-карту, оживляющую это «дно» – без нее телефон был самым обычным средством связи стандартной комплектации. Только со спецсимкой, при последующем наборе 12-значного кода доступа, в телефоне оживали импульсы, дающие команды на жесткий диск ноутбука и внешний накопитель.

– Но все это весьма условно, сэр! – внушал покупателю Руди. – Когда наши спутники пролетают над нашими стратегическими объектами, или в поле их зрения попадают стратегические объекты наших союзников, приводится в действие дополнительная система обеспечения информационной безопасности. В это время съем любой информации жестко контролируется. Мы не подозреваем вас, мистер Самсонофф, в том, что вы работаете на русское правительство, – уверяю вас, что в этом отношении проведена весьма тщательная проверка. Но, как говорят в России, береженого и ангел страхует! Так, кажется? Поэтому мы встроили в программу, обеспечивающую доступ к спутниковой информации, некие ограничители. Система не будет показывать вам секретные объекты военного назначения принадлежности США и их союзников. А любая попытка перенастроить систему или каким-то образом обойти эти ограничители, приведет в действие систему самоуничтожения программных материалов и файлов.

Он порекомендовал заблаговременно скачать на внешний диск фильмы, музыкальные программы, компьютерные игры. Огромная емкость диска позволяла разместить на нем тысячи гигабайт маскирующей информации.

– Не слишком ли все это сложно для обыкновенного пользователя ПК? – поинтересовался Абвер, с некоторой опаской поглядывая на выложенное перед ним оборудование.

– Не думаю, сэр! – с улыбкой отозвался Руди. – Вы же наверняка умеете пользоваться системой GPS? А сим-карту в своем сотовом телефоне меняли когда-нибудь? Вот и все! Вам остается только запомнить код доступа, оживляющий всю эту систему...

Он выключил оборудование, уложил его в кожаный темно-вишневый портфель, защелкнул замочки и выжидательно уставился на заказчика. Абвер придвинул к себе чековую книжку, поставил подпись на заранее заполненном листке и протянул его посетителю. Тот мельком глянул на цифру, кивнул и легко поднялся с дивана.

– Всего доброго, мистер Самсонофф! Будем рады видеть вас в числе наших постоянных клиентов! И не забывайте, сэр, о том, что я вам говорил! Оставляю вам все это добро прямо с портфелем, сэр! В качестве маленького презента от Global STF, сэр!

Абвер еле сдержался, чтобы не съязвить по этому поводу: какая «доброта»! Дарят «копеечный» портфель, содрав перед этим за его содержимое пятизначную сумму!

Когда посетитель исчез за матовой стеклянной стеной, Абвер немного посидел, рассеянно барабанил по вишневой коже портфеля пальцами. Потом встал и прошел на обширный балкон, на ходу крикнув Семену, чтобы тот налил ему чего-нибудь покрепче.

Однако на балконе на Абвера сразу же обрушилось яркое солнце Калифорнии и удушливый жаркий воздух, ощутимо «приправленный» смогом от выхлопов тысяч машин, движущимся по всем магистралям и транспортным развязкам огромного города. Листья экзотических растений в кадках, в изобилии расставленных по балкону и создававших впечатление сада, тут же зашевелились от бесшумной работы скрытых в зелени вентиляторов – те, видимо, включались фотоэлементами.

Абвер разочарованно вздохнул и решил вернуться в кондиционированную прохладу номера: какого черта хозяева отеля дерут с постояльцев лишние деньги за балкон, если на нем невозможно выстоять и пары минут?!

Взяв с подноса встретившегося ему на пороге гостиной Семена стакан со льдом, в котором лишь на дне просвечивала янтарное виски, Абвер обессилено рухнул в кресло. Прижал холодное стекло к виску, в котором билась пульсирующая жилка, поднял глаза на топтавшегося в ожидании дальнейших распоряжений телохранителя.

– Слушай, Сема, а скажи-ка мне: отчего это на здешних стаканах эмблема ООН? – неожиданно спросил он.

Телохранитель сдержанно улыбнулся:

– Проверяете мою образованность, Владислав Николаевич? Тут и на русском языке буклеты везде порассованы: именно в этом отеле, в 1945 году, представители 51 страны подписали устав Организации Объединенных Наций.

– Понятно, – неопределенно буркнул Абвер. – Не трудно быть таким умным и внимательным, Сема? Не тяготит? Ладно, ступай пока... Насчет лимузина в аэропорт распорядился?

– Через три часа за багажом придут, Владислав Николаевич, – Семен проглотил обиду от резкости шефа, смотрел, как и прежде, невозмутимо.

– Сколько нам лететь до Майами? – Абвер, высоко подняв доньшко стакана, вылил в рот виски, кусочек льда выплюнул на ковер. – Налей-ка еще, да не скупись на это пойло: все равно полную бутылку в счет включат...

– Туда 5 часов 20 минут лета, Владислав Николаевич, – наизусть ответил Семен, разворачиваясь в сторону бара. – Вылет в 20.55 местного времени, прибытие в Майами в 05.20, с учетом смены часовых поясов. Через два часа – вы рейсом той же авиакомпании отправляетесь в Джорджтаун. Время в пути – всего полчаса. Но прилетаем в 10.00 местного времени – опять смена часового пояса...

– Вызубрил? Никак обиделся на меня, Семен? – равнодушно поинтересовался Абвер. – Ну, извини, если что. Перебрал я вчера, Сема, вот и злюсь... А ты ближе всех, так что терпи! Тем более что, начиная с Майами, наши с тобой трудовые отношения вступают в новую фазу, Семен!

– Распоряжайтесь, Владислав Николаевич! – Семен поставил перед Абвером подносик со стаканом, наполненным на две трети. – Хотя я и так у вас, что называется, прислуга за все...

– Точно, обиделся! – хохотнул Абвер. – Ты был взят простым телохранителем, «пушечным мясом», проще говоря. Потом, гляжу, масло у парня в голове есть – поручения подкатнее начал давать. Считай, референтом стал, Семен! И жалованья добавил, между прочим – не забыл, Сема?

– Спасибо, помню, Владислав Николаевич. Может, содовой добавить?

– Не-е, я еще не настолько американизировался, чтобы их пойло разбавленное хлебать! Запить – это по-нашенски, хотя, на мой вкус, лучше минералки в этом деле нету... Так вот, Сема, друг ты мой верный, в Майами мы с тобой на время разделимся! Как в песне раньше, помнишь? «Дан приказ ему на Запад, ей – в другую сторону»?

– Не пойдет, Владислав Николаевич! – решительно воспротивился тот. – Референт, «херент», секретарь – все это параллельно! Я вас охранять должен! Так в нашем контракте записано! Подать чего, принести, расписание ваше напомнить, позвонить – всегда пожалуйста, если я рядом. А если насчет разделиться – нет, не пойдет!

– Да брось, Семен! Что со мной тут-то произойти может? Не Русь дикая, цивилизация!

– А если произойдет? В контракте ведь ясно записано: за шкирку меня и на улицу, безо всяких выплат и компенсаций. Вас «грохнут», не дай бог, конечно, а я в ответе... Нет, не пойдет!

Абвер поглядел на телохранителя долгим взглядом, пожевал задумчиво губами, под конец рассмеялся:

– Вот что мне в тебе нравится, Сема, так это искренность твоя! Непосредственность! Другой бы «кино гнать» начал – не могу, дескать, Владислав Николаевич, на душе беспокойно будет, волноваться стану, жалко мне вас, мол... А ты правду в глаза лепишь: финансово страдать не желаю! Без рекомендаций, если что, остаться не могу... Молодец, Семен!

– А хоть бы и так...

– Ладно, замяли. С точки зрения делового человека, ты прав, конечно! Вернемся в Белокаменную – контракт перепишем, слово даю! А пока мы тут – устно прошу: помоги, Семен! Мне без тебя тут быстро не управиться, – Абвер «рванул» сразу полстакана чистого виски, скривился, запил содовой. – Половину процента с суммы сделки получишь, если все удачно прокрутим, Семен! А сделка «нехилая», твои полпроцентика будут равны 250 «тоннам баксов»! Чуешь, «сынку»?

– Не надо мне вашего полпроцентика, Владислав Николаевич! Я человек простой...

– Хватит, Семен! – голос Абвера построжел. – Говорю: надо помочь – значит, поможешь! Со всеми вытекающими процентиками!

Абвер встал, вышел в спальню. Там дважды лязгнула стальная дверца сейфа. Вернувшись на диван, Абвер вынул из папки пачечку сколотых степлером листов, протянул Семену:

– Тут коротенькие справки по каждой стране и их банковской системе. И инструкция, над которой твой работодатель в поте лица две ночи тут трудился. Почитай, изучи. Не успеешь тут – в самолете дочитаешь. А в Майами, извиняй, отберу бумаги! Только карточку с перечнем банков разрешу оставить. Сделаешь все как надо – полпроцентика оговоренных – твои. Слово! Сиди тут, читай. А я подремлю пока...

Хлопнув на прощанье телохранителя по плечу, Абвер допил виски и направился в спальню.

Семен Мезенцев проводил его обычным маловыражающим взглядом, убрал бутылку с остатками виски в бар. Захватив с собой бумаги, он устроился на низкой софе возле двери на балкон и принялся за чтение.

Мезенцевым Семен стал при зачислении в Иностранный легион, элитную часть сухопутных войск Франции. Этому предшествовали два года постоянных переездов с места на место после окончания контрактной службы в Чечне.

Разведгруппа, которой Семен командовал в звании старшего сержанта, преследовала уходящих в горы боевиков. И на третий день изнурительной погони обнаружила беглецов в добротном доме в самом центре маленького горного селения. Дом был взят в плотное кольцо, однако отдавать приказ о штурме старший сержант не решался: соседи сообщили, что, кроме «гостей», в доме находится семья из пяти человек, в том числе двое маленьких детей.

Командир группы пробовал вести с засевшими в доме боевиками переговоры, но его никто не слушал. А к вечеру к сержанту пришла делегация местных жителей. Крепкие старики, глядя на спецназовцев с плохо скрываемой неприязнью, велели им уходить из села. Мы знаем людей, которые забаррикадировались в этом доме, сказали сержанту. Они настоящие мужчины, и они никогда не выйдут с поднятыми руками. Если вы начнете стрелять, могут погибнуть те, кто живет в этом доме. А родной брат хозяина дома – очень большой человек из Грозного. Он строго накажет обидчиков своей кровной родни. Лучше уходите, расскажете своему командиру, что не нашли беглецов. Мы сами разберемся с этими людьми...

Дороги в горах были размыты затяжными дождями, и подкрепления не предвиделось. Командир, с которым сержант вышел на радиосвязь, обругал его на все корки и приказал начинать штурм. И сержант отдал соответствующую команду.

Через три минуты после начала операции спецназовцы подавили автоматный огонь и ворвались в дом. Трое боевиков лежали под окнами в лужах крови: снайперам группы захвата, как выяснилось позже, удалось в первые же секунды боя нейтрализовать их. Но кто же тогда стрелял по штурмующим до последнего? Семен узнал это, когда увидел три автомата в руках двух молодых женщин и подростка.

Кевларовый жилет, самопально усиленный стальными пластинами с брони сбитой вертушки, спас Семену жизнь: автоматная очередь лишь отбросила его в угол. Очухавшись, он увидел, что женщины с автоматами, пользуясь тем, что в них не стреляли, успели расправиться с двумя его товарищами. Семен выдернул из гранаты чеку и катнул ее под ноги защитницам, успев укрыться от осколков за стеной дома...

А через две недели его нашел тот самый всесильный человек из Грозного, о котором поминали старики. Кто передал или продал ему копию рапорта старшего сержанта, в котором по требованию начальства было описано все боестолкновение в горном селе, так и не удалось выяснить. Вместе с этим «признанием» в руки «большого человека» попали и данные из досье контрактника Семена. «Большой человек» приехал в распоряжение части Семена на «мерседесе» с номерами спецгаража президентской администрации республики. И, стоя у ворот (внутри его все же не пустили), громко подтвердил клятву на Коране: найти убийцу двух его племянниц и вырезать ему сердце.

Семена перевели в другую часть, потом в третью – уже за пределами Северного Кавказа. Но руки у «большого человека» оказались действительно длинными: спустя самое непродолжительное время старшего сержанта дважды разыскали, и только чудо дважды спасало его от кровников. Потом людям с большими звездами на погонах прискучило чувство постоянной опасности за свою карьеру из-за какого-то сержанта. Контракт с ним был досрочно расторгнут, и парня выпроводили на гражданку: пусть прячется или разбирается с теми, кто его преследует, самостоятельно.

Сам Семен преследователей не боялся – но не желал подставлять мать, брата и прочих родственников. Почти два года он жил то у одного, то у другого знакомого, пробовал переехать в Беларусь, в Киргизию – но разведка у кровников оказалась на высоте. И, в очередной раз чувствуя приближающуюся опасность, он снова и снова бросал все и уезжал на новое место – пока кто-то не посоветовал ему перебраться во Францию и попытать счастья в Иностранном легионе.

Еще до 2000 года записаться в Легион мог любой иностранец, даже со «шлейфом» преступлений, совершенных у себя на родине. После Второй мировой войны в рядах Иностран-

ного легиона оказалось около тысячи эсэсовских солдат и офицеров, бывших русских, украинских и прибалтийских полицаев – почти 80 процентов всего личного состава Легиона. Однако новые времена заставили французские власти отказаться от практики тотальной вербовки «солдат без имени и без прошлого» – лишь бы здоровье соответствовало. И кандидатов стали при зачислении «пробивать» через учеты Интерпола. Таким образом, откровенные уголовники, попавшие в списки разыскиваемых международной полицией, стали получать в Легионе от ворот поворот.

Однако практика вербовки «солдат с проблемами» в Легионе сохранилась. И если кандидат, прошедший жесточайший отбор в первые три «учебные» недели, при зачислении заявлял о своем желании изменить свою личность, ему всегда шли навстречу. Заявил о своем настоятельном желании изменить имя и Семен. И получил эту фамилию – Мезенцев.

Со временем он узнал, что более 60 процентов его собратьев по Иностранному легиону носят не свои имена...

Подписав первый контракт на пять лет службы в Легионе, Семен Мезенцев был на два с половиной года отправлен с ротой таких же новобранцев сначала в Новую Каледонию, а позже в Гвиану. Это было условием: честь служить Франции на ее территории легионеры получали лишь после того, как достойно зарекомендуют себя в заморских владениях.

Новички в Легионе зачастую приходили в отчаяние от жесточайшей муштры первых недель службы, от физического и психологического прессинга сержантов-наставников. В этом смысле выходцам из России было гораздо легче: отечественная дедовщина давала тем, кто успел хлебнуть солдатчины на Родине, сто очков вперед любым жесткостям французских сержантов. Без особых нравственных и физических мук прошел через учебку Легиона и Семен.

Вернувшись во Францию, он вскоре получил вид на жительство, перспективы получения гражданства и пожизненной пенсии через 20 лет беспорочной службы в Легионе. А в самое ближайшее время ему были обещаны нашивки капрала: начальство было в восторге от уровня подготовки бывшего российского спецназовца, умения выживать в невероятно сложной обстановке, быстро соображать и вести за собой товарищей по оружию.

Однако служба в Иностранном легионе кончилась для Семена еще до выслуги первого пятилетнего контракта: неудачное приземление во время учебного прыжка с парашютом повредило ему мениск колена. Ему выплатили весьма достойное выходное пособие, выдали документы на имя Мезенцева и... выслали из Франции. Правда, с блестящей характеристикой, которая позволила ему довольно быстро попасть на заметку менеджера по персоналу одного из неафишируемых московских агентств, специализирующихся на подборе кадров в ближнюю охрану богатых и очень богатых новых русских нуворишей. Так он и попал к Абверу.

Служба оказалась не слишком трудной, но порой достаточно противной. Основным минусом состоял в том, что большие боссы быстро привыкали к мысли о том, что постоянно находящийся рядом телохранитель вполне может быть и посыльным, и уборщиком, и официантом. Определенное беспокойство вызывало и то, что ближняя охрана не только невольно посвящалась во многие тайны хозяина, но и получала порой приказы, противоречащие закону. Если первое вынуждало постоянно жить в нервном напряжении от возможности первым попасть под подозрение в разглашении тайн, то второе могло довести и до тюрьмы.

К минусам своей службы Семен относил и то, что он не принадлежал себе все 24 часа в сутки. Абвер много ездил по свету, и Семен сопровождал его во всех поездках, даже если необходимость сопровождения телохранителя была весьма сомнительной. Летал он, как и босс, исключительно в салонах бизнес-класса, соответствующими были и отели. Однако многообразие мира Семен видел лишь глазами своего босса: времени на то, чтобы просто пошататься даже по окрестностям отеля, поглазеть на достопримечательности далеких стран у него просто не было. В контракте был оговорен и запрет на общение с кем бы то ни было из людей вне

окружения Абвера. А это означало, что Семен был всегда и всюду один. С годами одиночество тяготило его все больше и больше. А выхода не было – или продолжай служить, или уходи...

То, что Абвер отправлял Семена в «самостоятельное плавание» на несколько дней, было неожиданным и весьма многообещающим – что-то вроде отпуска экспромтом. Но какое поручение ему уготовлено?

Разумеется, Абвер не делился со своим телохранителем своими бизнес-планами и проектами. Однако, будучи постоянно рядом, Семен не мог не делать вполне очевидных выводов из его действий, встреч и намерений.

Так было и с Мишей Алдошиным: собираясь встретиться с ним на Сахалине, Абвер поставил перед Семеном конкретную задачу. Он собирался сделать Алдошину предложение, от которого тот постарается отвертеться. Возможны неприятные нюансы, Семену следует быть неподалеку, и в нужный момент продемонстрировать упрямцу не только серьезность намерений босса, но и безрассудство возможных попыток сопротивления либо агрессии.

Сахалинец был сломлен и стал работать на Абвера. Характер его работы был очевиден: для чего привлекать «черного археолога», если не для поиска того, что Абвер желал заполучить? Семену было велено взять на себя линию связи с Алдошиным и докладывать о проблемах, которые могли у того возникнуть.

Проблемы возникали, и Абвер их «разруливал» – зачастую опять-таки через конкретные поручения Семену. Таким образом, общая картина порученного сахалинцу дела постепенно обретала для телохранителя и доверенного секретаря по совместительству конкретные очертания и детали. Алдошин искал для Абвера нечто очень ценное. Этот артефакт попал на остров то ли в военные годы, то ли сразу после окончания на Сахалине боевых действий. О поручении Абвера и цене вопроса сумел пронюхать мелкий бизнесменишка, которого босс использовал для знакомства с Алдошиным. Пронюхал, попытался войти в долю, а когда получил отказ, начал строить козни.

Собираясь в нынешнюю поездку, Абвер обронил несколько фраз, позволившим Семену сделать вывод о том, что в Америке будут решаться не только деловые вопросы, связанные с легальным бизнесом. Несколько раз во время поездки босс связывался – по скайпу, кодированной электронной почте и просто по телефону – со своим швейцарским знакомцем Ризенталем. И это позволило сделать еще несколько выводов: то, что должен был отыскать на своем острове Алдошин, предназначалось Ризенталю; тот приготовил на номерном анонимном счете в банке на Кайманах обусловленную сумму. Финансовый консультант Абвера в Сан-Франциско посоветовал ему сразу же после получения доступа к этому счету немедленно «разбить» 50 миллионов долларов на множество мелких счетов в разных банках стран Карибского бассейна и аккумулировать их где-нибудь на другом конце земного шара.

И вот теперь – распоряжение о самостоятельном «турне» Семена с упоминанием карибских банков.

Дело было ясное: Алдошин, судя по некоторым признакам, вот-вот должен был найти артефакт, а Абвер – получить свои 50 американских лямов. Вот босс и боится заблаговременно – хочет сразу же по получению спрятать их. Он откроет в банке на Большом Каймане свой счет и оставит банкирам распоряжение с перечнем банков, счетов и конкретных сумм, которые те сразу же перенаправят по нужным адресам. Для этого будет достаточно короткой команды по электронной почте в банк на Кайманах из любой точки земного шара – и миллионы долларов начнут быстро «расползаться» по невидимым и никому не известным каналам. С тем, чтобы вскоре столь же незаметно слиться на никому не ведомом счете.

Но «рыть» эти каналы дистанционным путем невозможно, а одному справиться – слишком хлопотно. Да и небезопасно, видимо – вот Абвер и решил привлечь к этому делу Семена.

Вздыхнув, тот очнулся от размышлений и опустил глаза на выданную ему распечатку.

По разработанной Абвером схеме, Семену Мезенцеву предстояло самостоятельно вылететь из Майами в «блиц-турне» в Панаму, Коста-Рику и Гондурас и открыть в тамошних банках восемь депозитных номерных счетов без указания имени владельца. Счета должны быть транзитными: сразу после поступления на них денег банкиры получают инструкцию безотлагательно совершить транзакцию их на Кипр и в Сингапур. Номера счетов в Bank of Cyprus и RNB-Bank были уже известны.

Семен полистал остальные странички, хмыкнул: надо же, босс не поленился поискать в Интернете короткие справочки по каждой стране, по их банковским системам, таможенным правилам и даже транспортным возможностям. Впрочем, скорее всего, эту работу выполнил для него этот плюгавый финансовый гений из Сан-Франциско.

Что ж, вздохнул Семен. Что ж, работенка не пыльная и нетрудная. В паспорте, который Абвер позавчера отобрал у Семена, наверняка уже стоят визы для въезда в страны Карибского бассейна. Ну, а командировочные и представительские ему вручат в Майами. Черт возьми, вот это сюрприз! Совсем неплохо: почти отпуск!

Скверно другое: со временем большие боссы, обычно всегда начинают осознавать, что их наемные работники, оказывается, знают слишком много...

20

Третий день в поле начали чуть рассвело – торопились к обеду закончить незавершенную накануне, как и предсказывал Морин, разметку. С моря дул пронизывающий, совершенно не летний ветер. Волны сердито бились в валуны, а в широких промежутках между ними старались длинными пенистыми языками дотянуться до ног копарей.

К 11 часам утра с разметкой было покончено, и Алдошин с Мориным побрели вдоль берега к лагерю.

– Кофеечком мы с тобой уже после побудки кишки пополооскали, сейчас белками плотно подзаправимся, без кофе! Чай с моими травками таяжными, только чай, Саня, – и в поле! – радовался Алдошин. – Часов до пяти «подолбим» – больше в первый день не рекомендуется, пожрем, опять-таки... Слышь, Сань, я про «земляного деда» чуть не забыл! Хочешь не хочешь, а бутылку из энзэ открывать надо! Иначе нам удачи не видать, Саня! Только, чур, уговор: до вечера – ни капли!

– Земляному можно, а живому ни капли?!

– Нагрузка физическая у нас большая, Саня! Выдохнемся быстро. Да и примета поганая, – схитрил Алдошин, наизусть знающий слабую жилку старого друга. – Первый вечерний костер – непременно со «шнапсом». А дальше, до первой «зачетной находки» – ни-ни, Саня! Либо, не дай бог, конечно, до окончания полевых работ!

– Миша, гляди! Никак лодка? – Морин, приставив ладонь к бровям, силился рассмотреть мутноватое пятнышко, появившееся на фоне огромной мрачной скалы, прикрывающий пляж со стороны Стародубского.

– Вот черт, плывет ведь кто-то! – подсадовал Алдошин. – Бинобль не взял с собой, не видать ничего... Вроде не к нам, мимо? Может, к рыбакам прибрежным, которые у Янтарного расположились?

Мужчины, остановившись, с минуту вглядывались в море. Первым отвернулся от волн Морин, сплюнул, испытующе глянул на шефа и напарника:

– Несет, Миша, кого-то черт сюда несет! Сначала бурун от мотора сзади проглядывал, сейчас не видать – к берегу, значит, к нам повернули...

– Эх, вчера надо было «деду» налить! – подсадовал Алдошин с полной серьезностью. – Моя вина... Ну, что теперь горевать-то, «девственность» потерявши... Неужели туристы приبلудные, а, Сань? Вот выбрали местечко для отдыха, мать их...

– Мы-то выбрали! – хмыкнул Морин. – Не своей волей, правда... Что делать-то будем, штандартенфюрер?

– А чего тут поделаешь? В таких случаях, чем больше гонишь, тем больше люди остаться желают. То ли из вредности, то ли из других низменных побуждений... Даже не знаю, Саня! А у нас тут уже шнуры натянуты... Если на якорь встанут тут, вопросы начнутся! Вот черт! Сорвут ведь нам «долбежку», поганцы! Точно, к нам плывут!

– Да-а-а... И шнуры еще наши... Думай, шеф! Ты у нас начальник, тебе и думать!

– Так, шнуры, шнуры... Ты, Саня, не вешай нос – будем все-таки надеяться на лучшее! Может, бензином разжиться думают, или случилось что... Ну, а готовиться надо к худшему. Значит, если они к нам... – Алдошин замолк, напряженно размышляя о возникшей проблеме. – Шнуры... Разметка...

– Миша, идея появилась! – неуверенно предложил Морин. – Со шнурами как раз... Давай скажем, что мы не туристы, а официальные представители зеленых! Что тут утечка ядовитых отходов каких-нибудь, а? Что пароход проходящий бочки с химией ядовитой потерял, произошло заражение береговой полосы, а? Сейчас такое повсюду! «Проглотят»!

– Санек, ты гений! Черт, времени на обдумывание и доведение идеи до кондиции мало. Но ты молодец! Беги вперед, в лагерь, возьми ружье и бумаги в моем рюкзаке какие-нибудь с печатями поищи! Есть у нас что-нибудь? С печатями?

– Накладные разве что от заправки акваланга... Там красная мастичная краска, издали эффектно должна смотреться, – Морин тяжелой рысью бросился к палатке.

Надувшая лодка была уже совсем близко от берега. За ее задраным на скорости тупым носом Алдошин не мог разглядеть число «гостей». Но вот напряженный рокот мотора сменился тихим урчанием, лодка метрах в 15 от берега опустила нос, резко сбавила ход. Алдошин, не глядя на подбегающего от палатки напарника, шагнул вперед, властно поднял вверх обе руки:

– Господа-товарищи! – зычно крикнул он. – Высадка на данном участке запрещена! Токсичные отходы! Местность заражена!

На лодке переглянулись. Только сейчас Алдошин пересчитал всех новоприбывших – их было четверо. Один молодой мужчина у мотора и три девицы. Девицы первыми и вступили в полемику:

– А кто запретил? А вы кто тут такой? Нам никто не говорил...

– Да мы ненадолго, командир! – примирительно начал моторист. – Вторую лодкуждемся, и дальше пойдем...

– А ну, стоять! – рявкнул сбоку Морин, заметив, что мужчина с причальным концом в руках собирается прыгнуть за борт.

– Че, стрелять начнешь? – насмешливо отреагировала одна из девушек. – Только попробуй!

– Смелый какой! Витька, не бойся!

– Господа-товарищи, – снова заговорил Алдошин. – Господа туристы, огнем высадке мы препятствовать, конечно, не имеем права. Это вы верно сообразили. Но предупреждаю: если вы все-таки высадитесь, то мы вас отсюда уже не выпустим! Вот на это право у нас есть! Будете дожидаться катера с дезактивационным оборудованием! Распространения заразы не допустим!

Ход был верным, туристы притихли, переглядываясь.

– А что за зараза тут? – снова начала дискуссию самая смелая из девиц. – Чем докажете? Вы же ходите здесь, и ничего!

– Нам и доказывать ничего не надо, барышни! – усмехнулся Алдошин. – В карантине вам все докажут. Еще и штрафанут по полной, за сопротивление... Нам-то прививки сделали, и то, честно говоря, «очко играет»!

– Да что тут такое стряслось-то? – уже серьезно поинтересовался мужчина.

– Военные товарищи бочки какие-то перевозили на плашкоуте, и рассыпали эти бочки. Гнилые они оказались, – начал на ходу импровизировать Алдошин. – Сами «вояки» быстро противогазы надели и смыться по-тихому хотели, да наш патруль их тут накрыл. Что там в бочках – виляют, темнят. Документов нет. Катер наш за документами в их часть пошел. Так что, ребята, давайте по-хорошему отсюда. Видите – мы и участки для детального анализа грунта разметили...

Алдошин махнул головой в сторону рядов натянутых ярких шнуров.

– Витя, давай-ка отсюда подобра-поздорову двигать, – решительно тряхнула гривой черных волос одна из девушек. – А то и вправду в карантин вонючий вместо лона природы попадем!

– И куда тут заражено? – поинтересовался Витя, бросая свернутый причальный конец под скамейку и садясь к мотору.

– Вы по-над берегом идите, – посоветовал Морин. – Как наши шнуры кончатся, так и опасная зона, считай, позади. Только я бы на вашем месте еще на пару километров отошел бы, для гарантии! Берег-то большой. Спасибо за понимание, ребята!

– Да ладно! Это вам спасибо! – вразнобой откликнулись девушки. – Давайте тут, разгребайте свою заразу!

Мужчина включил реверс, и лодка стала удаляться от берега.

– Приходите в гости, мальчики! – донеслось на прощанье. – Только справки приносите о здоровье!

Взревевший мотор заглушил дружный хохот. Лодка, осев на корму, помчалась к дальнему краю пляжа.

– Очень удачно удалось туристов сплавить, – констатировал Морин, провожая непрошенных гостей долгим взглядом. – Первый блин, считай, не комом! Слушай, Миша, может, нам запрещающие знаки какие-то вдоль берега надо было расставить?

– Не знаю, – протянул Алдошин. – Такая «афиша» может вызвать если не дополнительные вопросы, то обратный эффект. Где гарантия, что кто-нибудь не стукнет про токсикологическую опасность тем же зеленым, или еще кому из власть предержащих? «Зачешут репу» – а почему, мол, мы ничего не знаем? Приедут выяснять... Нет, Саня, обойдемся как-нибудь! Давай позавтракаем и начнем, благословясь!

– Яволь, герр оберштурмбанфюрер! Пошли жрать в таком разе...

Покончив с завтраком, копари начали «прозвон» первого участка. Алдошин отдал приютелю вторую пару наушников, подключенных к своему металлоискателю, и на ходу проводил «мастер-класс».

– Основная задача нашего прибора, Саня, – определять металлы в земле, – учил напарника Алдошин. – Вот с определения глубинной чувствительности и начнем. Отрабатывать обнаружение разных предметов, выполненных из различных металлов, нынче не будем. Хотя в иных условиях очень важно понимать, Саня: всегда ли «клюшка» различает цветные и черные металлы?

Морин кивал, хмурил брови, прислушиваясь к «симфонии», льющейся из наушников.

– Сегодня я «выставил» прибор на большую массу. Мы не ищем монеты и прочую мелкую дребедень. Саня, важно запомнить звуковую реакцию на те или иные металлы и связь звучания с настройкой! – вдалбливал Алдошин. – Вот давай мы с тобой попробуем определить, вызывают ли звуковой фон разные неметаллические предметы? Моя «клюшка» проверенная, однако даже самый надежный прибор иногда начинает «глючить». Встречаются вполне фирменные «клюшки», которые начинают выть на кирпичи, как на железо, хотя железа в кирпичах сроду не было. А то «играют тревогу» при обнаружении валунов, которые копарю приходилось вытягивать из земли и осматривать... Ага... Слышишь, Саня? Есть реакция! Что теперь делаем?

– Копаем! – Морин воинственно потряс лопатой.

– Вот бестолочь! Учишь тебя, учишь... Не была б фирменным «фискарем» моя лопата, попросил бы показать класс! Много ты в этих камнях лопатой накопаешь, Саня? А шупы? Я тебе пару таких же, как у меня, давал – где они? Нож копарский где?

– Миша, тем ножом, что ты дал, таракана не кастрируешь! Тупой как валенок. А шуп где-то был... Один взял, грешник. Потому как второй, большой – он вообще на пику погонщика слонов похож! На полноразмерном черенке от лопаты толстенный прут – у меня ж всего две руки, Миша, не забыл? Это я еще сегодня по твоему требованию металлоискатель не взял.

– Объясняю для особо тупых. Глазеньками на меня смотри, Саня! Я вооружился «клюшкой», двумя шупами и ножом копаря. Лопату не взял, как видишь – грунт для нее тут неподходящий. Большой шуп ремень наплечный имеет, до поры до времени за спиной. Малый у пояса, как и нож, тоже рук не занимает. Прибор «заголосил» – я его одной рукой придерживаю, а шупом малым и глубину залегания металла определяю, и его границы. Нож у копаря не для нарезки колбасы, им и края объекта можно определить, и копать можно – причем одной рукой, не опуская «клюшку» на землю. Я ж тебе теорию раза два преподавал, Саня!

– Так одно дело теория, а тут наглядно все. Теперь понятно...

– Ну, а раз понятно – сообрази-ка: какие еще предназначение у малого щупа и ножа? Кроме определения границ находки?

– Иди в жопу, Миша! – без злости «направил» приятеля Морин. – Хорош насмехаться – покажи сам, без экзаменов!

– Ну, смотри: протыкаешь грунт и одновременно слушаешь. Щуп или нож покажут по звуку – металл внизу или камень, деревяшка. Гляди!

Алдошин, не выпуская из левой руки металлоискатель, опустился на колени, потыкал коротким щупом, потом рукой в перчатке сделал в камнях ямку. Засунул туда под углом нож копая, и, действуя им как рычагом, извлек на свет край ржавой автомобильной рессоры. Отложил «клюшку», и уже двумя руками, поднатужившись, вытянул рессору на поверхность.

– И для чего пыhtеть, вытягивать эту дрянь надо было? – поинтересовался Морин. – И лежала бы себе дальше железяка хренова!

– Она же снова «зазвенит», чудак-человек! – рассмеялся Алдошин. – Не я, так другой копаль время на нее потратит... Ладно, пошли дальше, бездарь!

Алдошин, хоть и захватил из лагеря мощный армейский бинокль с дальномером, нарочно заставил себя не глядеть на южную оконечность каменного пляжа, где появились яркие пятнышки двух разбитых палаток туристов, мелькали фигурки, и к небу поднималась еле видимая с расстояния полутора-двух километров полоска дыма от костра. Несколько раз он ловил на себе вопросительные взгляды приятеля, явно недоумевающего по поводу «лишней» тяжести на шее у шефа экспедиции. Однако Морин ничего не спрашивал – видимо, опасался снова попасть впросак с неуместными вопросами. А не глядел Алдошин в сторону туристов по одной причине, которую не хотел афишировать, – он просто боялся сглазить непрошенных гостей. «Помяни черта – он и явится».

Невесть откуда взявшаяся лодка с туристами не давала ему покоя с самого утра. Что-то тут было не так. Судя по экипировке, туристы были явно не местными – не из областного центра, так с материка. Но чего их принесло на этот Каменный пляж? В июне-июле на Сахалине хватает и более приятных для отдыха местечек – с песчаным дном, ласковым морем. Тут не покупаешься, не позагораешь – какой-то чертов угол с вечными холодными ветрами, затянутым хмурым небом, острыми камнями под ногами – куда ни глянь.

И состав – один парень, три девки... Станный состав! Они, правда, упоминали про вторую лодку, которую поджидали – однако время шло, никто более на горизонте не появлялся. Более того: что-то подсказывало Алдошину, что никакой второй лодки и в природе не существует.

Что же это за странные туристы? Алдошин не сомневался, что они не раз смотрели в их сторону. И если у них была более-менее мощная оптика, то туристы наверняка уже рассмотрели, что «ликвидаторы» занимаются чем-то не тем. Не свойственным типичным ликвидаторам делом. По идее, зеленые должны делать что-то вблизи берега – собирать, допустим, образцы «зараженного» грунта, брать пробы воды...

Можно, конечно, и успокоить их на этот счет – создать видимость кипучей деятельности по отбору проб и образцов вдоль. Но времени терять не хотелось.

Покончив с верхней частью первого участка, копари присели на валуны перекурить. Курил, собственно, только Морин – Алдошин, взяв у него сигаретку, так и размахратил ее в пальцах.

– Ну, сам не хочешь на визитеров глядеть – дай тогда бинокль, я посмотрю! – догадливо усмехнулся Морин. – Этакое лихо на шее с самого утра таскать – и даже не полюбопытствовать.

Он приложил бинокль к глазам, подрегулировал настройку дальномера.

– Экие поганцы, на самой границе нашей разметки расположились ведь! Аккурат где шнуры кончаются, – констатировал он. – Просили ведь их – разбейте лагерь подальше! Там, в полукилометре, и ручеек какой-то есть...

– Ну и чем они там занимаются? – равнодушно поинтересовался Алдошин.

– Парень с девчонкой одной в лодке, от берега маленько отплыл и снасть какую-то ставит. Не могу разобрать... Сетку, что ли?

– А остальные?

– Одна девчонка возле костра, другой что-то не видать. В палатке, наверное, – Морин вернул бинокль, в несколько затяжек прикончил сигарету. – Продолжим наши игры, начальник? Кстати, я так и не понял, Миша: а на какой максимальной глубине твоя «клюшка» металл видит?

– В зависимости от грунта в основном. Но и другие составляющие есть. Здесь, например, грунт просоленный, минерализованный. Камни, опять-таки. С учетом этого, сантиметров на семьдесят-восемьдесят глубины «прозвона» гарантию достоверности дать можно. С учетом того, что искомые предметы – не монеты, слава богу, и имеют значительную массу, достоверность можно повысить до метра.

– А если летчики-янки от души потрудились и глубже закопали?

– Тогда не найдем, Саня! – вздохнул Алдошин. – Однако лично меня греют ситуационные соображения. Зима, глубокий снег, сама аварийная ситуация, возможные ранения при вынужденной посадке. И конечно, то, что летчикам не было нужды особо в каменное неудобье углубляться. Они – не владельцы, а случайные перевозчики – раз! Бросить доверенный груз проще, но нельзя. Не потомкам же оставляли, рассчитывали выжить и сообщить начальству координаты. А координаты эти – на чужой территории, неторопливые поиски тут никто бы разводить не позволил. Значит, спрятали в пределах легкой доступности – это два! И третье соображение – не золото в слитках ведь прятали, не самоцветы. Не штабные секретные документы... Думаю, они просто не знали об истинной ценности своего груза. Догадываться догадывались наверняка, но не больше.

– Соображения дельные, принимаются, – согласился Морин. – Но есть и возражения. Вот гляди, штандартенфюрер: мы начали искать под утесами. Скалы тут не монолитные, на глаз видать. Дай-ка мне большой шуп свой, Миша...

Морин поднялся, подошел к самой каменной стене, вздымающейся кверху. Поискал глазами подходящую щель в камнях, с силой воткнул в нее заостренный прут и стал раскачивать его как рычаг. Не прошло и нескольких секунд, как с полтонны глыб и мелких камней с шумом рухнули вниз.

– Видишь, Миша? Им и особо стараться – ворочать внизу камни руками – не надо было! Чуть прикопал клад, расшатал стену – и пожалуйста! А если щель побольше найти и гранату, скажем, сунуть – полскалы рухнет!

– А фактор доступности? – возразил Алдошин. Однако было видно, что наглядная демонстрация произвела на него сильное впечатление. – Слушай, Саня, ты не деморализуй личный состав своими гнусными намеками! И вообще: откуда у пилотов могли взяться шупы, кирки и прочий шанцевый инструмент? Я гляжу, тебе вредно отдыхать, Саня! Думать много начинаешь. Пошли дальше долбить!

– Действительно – на хрена думать? – вздохнул, поднимаясь, Морин. – Как в том старом анекдоте про вояку с одной извилиной в голове от фуражки, помнишь? «Чего думать – трясти надо!»

Копари перебрались на соседний участок и начали скрупулезно прочесывать и его.

Металлических находок было совсем мало. Разок Алдошин нашел «клюшкой» и извлек из камней обод от велосипедного колеса, попала еще одна автомобильная рессора и непонятного назначения длинная железная полоса, похожая на расклепанный обруч от большой бочки.

Наверняка в камнях была и другая металлическая «мелочевка», однако катушка металлоискателя, запрограммированная на предметы массой не менее 500 граммов, на них не реагировала. Либо на дисплее появлялись цифры, совершенно копарям не интересные.

Закончив со вторым участком, снова уселись на перекур.

– Около двенадцати, – отметил Морин. – При таких темпах дня за два закончим...

– Это ведь только верхние сегменты участков, Саня! – напомнил Алдошин. – Не забыл, горе ученик? Завтра самостоятельно, со своей «клюшкой» пойдешь...

Морин громко и со вкусом выругался. И ту же из кустов со склона, откуда-то сверху, послышался короткий смешок. Мужчины переглянулись, и Алдошин, опустив «клюшку», с нарочитым стоном потянулся размять поясницу. Обшаривая взглядом кусты на склоне, он нащупал рубчатую рукоятку «намбу» и тут же ругнул себя за приобретение: для приведения японского пистолета в боевое положение одной руки было мало!

– Кто тут? – спокойно поинтересовался он.

– Русалка, – ответил женский голос.

Кусты зашевелились, и наружу выбрались одна из девиц с лодки.

– Как грязно вы ругаетесь, мальчики! – констатировала она, отряхивая джинсы от листвы и грязи. – Все зеленые такие матерщинники?

– Рисковая вы девушка, однако! – хмыкнул Алдошин, вынимая заткнутый за ремень сзади пистолет и делая вид, что ставит его на предохранитель. – По зарослям к нам подбирались? А ведь здесь и медведи есть, между прочим!

– Ни одного не попало! – девушка тряхнула копной волос. – Водичкой даму не угостите, мальчики?

Морин достал из кармашка жилета полулитровую пластиковую бутылку «аквалайна», молча протянул просительнице.

– Спасибо! – Та снова тряхнула волосами, залпом выпила половину бутылочки, и, не возвращая, присела на валун. – Так чего ж так ругаетесь, мальчики? Заразу разлитую найти не можете, что ли?

В голосе незнакомки звучала явная насмешка, и Алдошин снова вспомнил о своих подозрениях насчет туристов.

– Чего молчите-то? Пока я из кустов не вылезла – разговорчивые были, – продолжала насмешничать девица. – На пистолет-то, дядя, разрешение оформленное есть?

– А ты кто такая, чтобы моими полномочиями интересоваться? – Алдошин не спешил прятать оружие, крутил пистолет на пальце, просунутом в спусковую скобу. – Мы ведь вам, граждане-товарищи, русским языком утром объяснили, что посторонним тут делать нечего! В карантин на пару недель захотела, коза? Будет тебе карантин, обещаю!

– Брось, дядя! Ты такой же «зеленый», как я «голубая»! – отрезала девица, снова запрокидывая бутылку. Допив, она швырнула пустую посудину под ноги. – Ядовитые отходы с металлоискателем не ищут, дурочку не валяй! Да еще в двухстах метрах от линии прибоя... Утром на арапа взяли, больше не прокатит, ясно?

– Шеф, так она пьяная! – присмотревшись, определил Морин. – Ну, «под газом» – вот и смелость, вот и жажда неумная! Чего с ней делать-то будем?

– Мы – ничего! Коза права – у нас полномочий нет, – отрезал Алдошин. И тут же пообещал. – А вот катер вернется – поглядим, куда ее смелость денется... Бутылку подбери, Саня! Пригодится. Да и сорить не надо тут...

– Продолжаете «прикупать»? У вас уже двадцать два, а вы все прикупаете! – рассмеялась девица, и Алдошин подивился – как это он сразу не определил пьяную удаль незнакомки.

Он заткнул пистолет за ремень, взялся за металлоискатель.

– Давай продолжим, Саня! Не тащить же ее в таком виде... Визг поднимет, к чему нам проблемы? Катер максимум через час вернется – вот пусть начальство и разбирается с нарушителями режима! Давай, пошли!

Девушка, явно рассчитывающая на скандал, от такого оборота несколько растерялась.

– И что – арестовывать не будете?

– Чести много! – буркнул через плечо Алдошин и надел наушники. – Саня, вперед!

Девушка упрямо и зло смотрела им вслед, прикусив нижнюю губу, и потряхивала гривой волос. Видимо, она рассчитывая на то, что ее должны взять под руки и куда-то тащить. А вот такого явного пренебрежения к своей персоне она явно не ожидала. И была разочарована отсутствием повода поорать, позвать на помощь и вообще проявить характер.

Алдошин, взявшись за «ключку», искоса поглядывал на скандалистку, прикидывая в уме дальнейшие варианты развития начавшегося скандала. Вариант первый: уйдет к своим и наябедничает на «хамское отношение». И сюда заявится битюг Витя, может быть, еще и с подмогой из второй лодки. Лодки, правда, второй пока нет – но, если не соврали, это просто вопрос времени.

Вариант второй: сейчас начнет мешать, хватать за руки, мешать работать и задавать пьяные вопросы. То есть провоцировать дальнейшее нежелательное развитие инцидента. Финал тот же: появление заступника, словесные разборки, плавно перерастающие в потасовку.

Был и третий вариант, наиболее благоприятный. Девушка выступила, показала характер – можно и отступить с достоинством. Вернуться к своим и рассказать с гордостью, как она «умыла козлов», которые оказались лжеликвидаторами. Те порадуются за «победительницу», выпьют за ее храбрость и лягут спать.

Одно плохо: в «среднесрочной перспективе», о которой так любят поминать в телевизионных общениях с электоратом чиновники районного, областного и вышестоящих рангов, все три варианта, в представлении Алдошина, имели на следующий день один финал – повторение. Проблему, по идее, надо было «разрулить» сразу и окончательно – но как?

Следующие несколько минут ситуация сохраняла стабильность: копари мелкими шагами ходили по участку, прислушиваясь к звукам в наушниках и не сводя глаз с дисплея металлоискателя. Девушка, сидя на своем валуне, продолжала очень характерно потряхивать волосами и пепелить мужчин злыми глазами.

– Ну, и что с ней дальше делать? – тихо поинтересовался у приятеля Морин, предусмотрительно освободив одно ухо от наушников. – Катера-то никакого, нами выдуманного, не будет. Сейчас передохнет и продолжит скандалить, пьяная прошмандовка...

– Тише ты, – недовольно шикнул Алдошин. – На этих чертовых камнях акустика непредсказуемой может быть... Откуда я знаю – что делать? Одно ясно: эту стерву даже пальцем трогать нельзя! А она, по-моему, из таковских: не тронешь, так сама ползет! Не знаю, Саня! «Свернуться» на сегодня, что ли? Тайм-аут до завтра взять...

– А завтра что? – сердито зашипел Морин. – Дождаться, пока они похмелятся и с подмогой «осаду» продолжат?!

– Что ты предлагаешь? Конкретно! – потребовал Алдошин. – «Грохнуть» ее и в кустах спрятать?

– Христос с тобой! Я на такие дела не подписывался! Ты что? Не всерьез же такое предлагаешь?

– Успокойся! Я не мафиози с волосатой грудью и большим опытом «мокрой работы» в горах Калабрии... Или где они там промышляют... Принесло скотов на дикий пляж, ну надо же...

– Эй, мальчишки, а пива у вас для дамы нету? Холодненького, в ручье остуженного? – донеслось от скалы. – И сигаретки приличной, а?

– Пива? Сигарету? – Алдошин от злости и наглости сбросил с головы наушники. – Пососи более привычное для тебя, «дамочка»! Иди к своему Вите и пососи. Или в очереди боишься оказаться?!

– Фи, как грубо и некультурно... – как ни в чем ни бывало хихикнула незнакомка. – Но жизненно, ничего не могу возразить! Нам, слабым дамам, приходится порой переступить через себя... Миша, если это неременное условие получения пива и прочего, мы можем и договориться!

– Ага, щас! – сплюнул Алдошин. – Я свои «инструменты» не на помойке нашел, милая барышня! К Вите своему ступай!

Морин больно толкнул его локтем в ребра.

– Ты чего? – взъярился Алдошин. – Слов таких никогда не слышал?

– Тише, – попросил Морин. – Ты себя контролируй! Я вот контролирую, и могу ответственно заявить, что я тебя по имени при ней не на-зы-вал! А она его откуда-то знает!

– Хам банальный! – донеслось с валуна у скалы.

– Точно не называл? – мгновенно остыл Алдошин. – Уверен?

– На все сто! Ты меня Саней кликал, было. А я тебя – шефом только. Клянусь мамой!

– Интересное кино! – Алдошин поглядел на незнакомку долгим взглядом. – Оч-чень интересное! Значит, не даром мне, как увидел эту кодлу, сразу нехорошо подумалось... Сомнения сразу взяли, Саня: неспроста они здесь! Ох неспроста!

– Так что с ней делать-то будем? – не отставал Морин.

– Говорю – не знаю пока! Думать надо!

Алдошин надел наушники, жестом велел сделать то же самое приятелю и возобновил монотонное хождение по камням.

Прошло несколько минут, и Морин снова толкнул его в бок. Алдошин, полагая, что сейчас опять услышит вопрос, на который у него пока не было ответа, круто повернулся, ожег приятеля злым взглядом. Тот невесело усмехнулся, мотнул головой в сторону моря:

– Поберегите свой гнев, штандартенфюрер! Туда смотрите!

Алдошин повернул голову и только сейчас увидел, что моторка с мужчиной и второй девушкой давно покинула место и приближается к ним. Явно заметила лодку и скандалистка: она встала с валуна и недвусмысленно собиралась исчезнуть в зарослях кустов.

– Не спешите, милая барышня! – обещающе улыбнулся ей Алдошин. – Куда же вы собрались? Вот и товарищи ваши беспокоятся, за вами прибыли...

Положив металлоискатель на камни, Алдошин пошел к морю навстречу приближающейся к берегу лодке, на ходу делая рулевому предостерегающие жесты.

Мужчина жестикуляции внял, сбросил газ, и лодка, потеряв ход, закачалась в нескольких метрах от береговой линии. Мужчина, не делая попыток выскочить на берег, прижал к груди обе руки:

– Она сама! – закричал он. – Извините, никто Милку к вам не подсылал! Коньякухватила, дура, и отправилась знакомиться! Что, в карантин теперь ее пошлете?

– Забирайте свое сокровище и уезжайте! – не комментируя вопрос насчет карантина, распорядился Алдошин. – Ну, чисто дети малые! Говоришь вам, говоришь... Не слушаете – ну, черт с вами, покрывайтесь язвами! Или лишаями – не знаю точно! Забирайте девицу свою!

Он махнул рукой Морину, и тот, взяв скандалистку за локоть, потащил ее к лодке. Та выглядела явно испуганной и трезвела просто на глазах. Она пыталась освободить руку, упираясь и тихо просила Морина «не отдавать» ее Витьке.

– Давай-давай, барышня! Шевели «копытами»! – весело приговаривал Морин, не выпуская ее руку. – Старые друзья лучше новых, неужели не слыхала? Ишь как они тебя ждут...

– Извините! Может, ей лучше не ходить по пляжу, пусть возвращается тем путем, что и пришла сюда? – закричали с лодки.

– Какая теперь разница! – туманно возразил Алдошин. – Я ее тут не видел, понятно? А вот если вы все не переберетесь с лагерем подальше – тогда ждите гостей!

– Витька мне морду набьет! – тихо хныкала скандалистка Милка. – Ну, пожалуйста, можно мне с вами остаться, мальчики?

Но «мальчики» были неумолимы. Скандалистку препроводили к лодке и без особых церемоний буквально перекинули через черно-красный надувной понтон. Рулевой, не переставая извиняться, включил реверс и лодка попятилась от берега.

– Вот уж правду люди говорят: баба с возу, – прокомментировал вслед Алдошин, донельзя довольный тем, что избавиться от скандалистки удалось легко и без моральных потерь. – Пошли, Саня! Закончим сейчас с участком, а там и обедать пора! Думаю, что по поводу счастливого избавления и сухой закон не грех нарушить! Как полагаешь?

Однако Морин был отчего-то настроен не столь оптимистично. И не был рад даже решению шефа о «размачивании» полевого закона.

– Ты чего, Саня? – подивился Алдошин.

– Да так, – неохотно буркнул тот. – Печенкой чую, Миша: не кончились наши проблемы после выдворения этой стерехи!

– Не кручинься, отрок! – похлопал его по плечу Алдошин. – Будем преодолевать трудности по мере их появления!

Отработав участок до конца, копари направились к своей палатке. За минувшие пару часов Алдошин несколько раз глядел в бинокль в сторону беспокойных соседей-туристов. И видел, как они начали собирать палатки и таскали снаряжение к лодке. Попутно в том лагере шла и «воспитательная» работа со скандалисткой Милкой. Та участия в сборах не принимала, сидела на каком-то рюкзаке в сторонке. Алдошин отметил, что к ней пару раз подходили то подруги, то Витька-рулевой. А один раз ему показалось, что скандалистке вlepили оплеуху.

У костра Алдошин, как и обещал, достал бутылку «финки», щедро наполнил две стопки и протянул одну Морину:

– Держи, напарник! Мы сегодня заслужили! Лодка с «захватчиками» отходит от берега! Ура!

– Да-да, заслужили! – мрачно кивнул Морин, не отрывая бинокль от лица. – Доставай третий стопарь, штандартенфюрер! «Захватчики» отбыли, а «штрафницу» с собой не взяли. Во-он она, по бережку к нам с мешком своим ковыляет...

– Ты что?! – Алдошин выхватил у приятеля бинокль, несколько секунд поглядел в него и выругался.

Морин был прав. Скандалистка Милка, волоча за собой рюкзак, неверными шагами шла к ним по берегу...

21

Майкл Берг с давних пор взял себе за правило никогда не выбрасывать ни одной бумажки с записями и пометками – будь то черновик статьи или ресторанный счет с телефонным номером нужного человека, нацарапанным впопыхах. Можно было, конечно, со временем переносить сделанные пометки в записную книжку, в память мобильного телефона, или сохранять в одном из своих компьютеров – но все это делало минувшие события какими-то неживыми и казенными. Электронный «справочник» в любом виде был, несомненно, удобнее, и Майкл не собирался отказываться от этого способа сохранения информации вообще. И нашел, как ему казалось, весьма удобный компромиссный вариант: всякий раз, возвращаясь домой, он выгребал из карманов бумажки с пометками и заносил имена и события в нечто вроде электронного каталога. Туда же отправлялись сохраненные в памяти мобильного или планшетного компьютера незнакомые номера телефонов категории «входящие».

Вот и нынче, собираясь восстановить контакт десятилетней давности, Берг открыл запороженный каталог в своем компьютере и набрал в строке поиска имя: «Осаму».

Машине потребовалось всего лишь несколько незаметных для человеческого восприятия микросекунд для того, чтобы мощный процессор машины отреагировал на нажатие клавиш, а адаптер перевел цифровой сигнал в буквенный код и переправил его на жидкокристаллический экран ноутбука, на котором тут же появились две строчки: имя человека, место встречи с ним и дата.

Да, 10 лет назад... Майкл встал, достал со стеллажа толстую папку нужного года, выудил из нее «месячную» папку и положил ее рядом с ноутбуком. Записи нужного Майклу дня поместились в тонюсеньком пластиковом «уголке». А вот и нужный клочок бумаги – торопливая, с сокращениями и опечатками запись девушки из кол-центра:

Майкл Берг, 09.14. Входящий звонок из префектуры. Информация: просьба безотлагательно позвонить по номеру...

Как же ее звали, эту девушку из кол-центра? Майкл помнил профиль ее лица, но не имя. Он не сомневался: если ему понадобится, он легко найдет и эту девицу, которая наверняка в то время была студенткой университета, давно его закончила, получила какую-то специальность, вышла замуж и, может быть, переехала вместе с мужем в другую часть страны или другую страну.

Но сегодня Бергу была нужна не эта девушка из прошлого, а совсем другой человек. Тоже из прошлого. Майкл набрал записанный номер, но перед тем, как нажать кнопку послышки вызова, чуть помедлил. 10 лет назад этому человеку из прошлого было уже 80 лет. Организация, которую он тогда представлял, всячески культивировала приверженность консерватизму, однако вряд ли могла позволить себе превратиться в хоспис для престарелых.

Так что не стоит обольщаться, сказал сам себе Берг. Не стоит: очень может быть, что телефонная электроника сейчас сообщит, что набранного номера уже не существует. И «попросит» абонента уточнить номер. Будь что будет – он все равно решил закрыть этот вопрос и коснулся пальцем зеленого квадратика на экране своего айфона.

Телефон ответил после первого же гудка. Майкл представился и, чувствуя себя по-дурацки, все-таки назвал имя из прошлого:

– У меня есть сообщения для господина Осаму...

– Благодарю вас за звонок, господин Берг. Я передам ваше сообщение по принадлежности. Через пару минут вам перезвонят – удобно ли вам будет, господин Берг, принять видеозвонок по скайпу?

В переводе это означало – нет ли рядом с господином Бергом посторонних людей? Он чуть усмехнулся и подтвердил: да, удобно. И еще его поразила высказанная готовность немед-

ленно перезвонить: можно подумать, что людям из организации господина Осаму и делать-то больше нечего, кроме как сидеть у телефона в ожидании его звонка...

Иконка скайпа замигала ровно через две минуты. Берг, дивясь сам себе, поправил галстук, проверил угол наклона монитора с глазком камеры и ответил на вызов.

На экране возникло диалоговое окошко, а в нем – лицо человека средних лет с улыбкой на лице. Человек слегка наклонил голову:

– Здравствуйте, господин Берг! Приятно видеть, что вы не забыли нас. Меня зовут господин Тоси. Слушаю вас!

Помедлив, Берг в ответ совсем уже хотел язвительно заявить, что ему тоже приятно от того, что правительственная спецслужба, никак не давая о себе знать в течение многих лет, мгновенно проявила «чудеса вежливости» и показала, что все это время была рядом. Однако сдержался и выпалил свое сообщение, которое он обдумывал последние два дня. Суть этого сообщения сводилась к тому, что ему хочется все-таки завершить давнее дело, начатое еще его отцом. Тем более что к этому завершению в последнее время появились реальные предпосылки. Однако, может быть, данное дело потеряло для господина Тоси и его организации прежний интерес и приоритет? В этом случае он просит прощения за напрасное беспокойство.

Человек на экране монитора снова улыбнулся и отрицательно качнул головой:

– Мы никогда не убираем на дальнюю полку неоконченных дел, господин Берг! – заявил он. – И как раз нынче, по счастливому стечению обстоятельств, у нас тоже появились некоторые подвижки по этому делу. Вы опередили нас со своим звонком буквально на несколько часов, господин Берг! Мне кажется, такое совпадение сулит удачу! Когда и где вам было бы удобно встретиться, обсудить детали и обменяться новостями?

Берг скосил глаза на раскрытый ежедневник. И углом зрения отметил, что его собеседник сделал то же самое.

– Если вы не изменили своим привычкам, господин Берг, то я буду рад встретиться с вами прямо сегодня, в спортивном клубе «Олимпус», – предложил собеседник. – Мы могли бы вместе поплавать в бассейне и заодно поговорить. У вас не будет возражений?

– Только пожелание, господин Тоси. Некоторое время назад господин Осаму рассказал мне о медальоне, привезенном из Америки. Он даже дал мне фотографию этого предмета и его описание. Не сочтите за каприз – но мне хотелось бы подержать этот медальон в руках. Но, может быть, вы просто не успеете найти в своих хранилищах этот предмет? Как я понимаю, вам еще надо добраться до Саппоро... Это возможно вообще, в принципе?

– Нет никаких проблем, господин Берг! Мы всегда и всюду стараемся успеть... И знаем, что вы, историки, придаете особое значение фетишам из прошлого. Я слышал также и о том, что прикосновение к таким предметам часто служит импульсом для удачного умопостроения, рождает новые счастливые идеи. Кстати, я забыл поздравить вас с выходом вашей новой книги, господин Берг!

– Спасибо...

– Мне кажется, вы нашли свою нишу в современной литературе, которая, к сожалению, отнюдь не балует читателя ни приобщением к новым знаниям, ни побуждением задуматься над привычными вещами. Итак, до встречи, господин Берг! И не забудьте, пожалуйста, захватить с собой паспорт – возможно, там потребуется сделать некую необходимую отметку, – улыбнулся на прощание господин Тоси.

Диалоговое окно на экране погасло. Берг откинулся на спинку кресла со смутным чувством досады и некоторого бессилия. Этот Тоси упомянул о счастливом совпадении – какого черта! Берг не верил в совпадения, тем более – такого рода...

Следствием короткого видеообщения и встречи с господином Тоси в плавательном бассейне «Олимпус», расположенном в курортном пригороде Саппоро, стала новая поездка Майкла Берга в Россию. Поездка была запланирована на конец июня 2011 года, и он по элек-

тронной почте заблаговременно связался с сахалинским туроператором, специализирующемся на организации «экстрим-туров» по экзотическим местам острова.

Получив подтверждение туристической фирмы о готовности организовать нужное ему путешествие, Берг, не понаслышке знающий о крайней необязательности российских туроператоров и столь любимой ими ссылке на «русский форс-мажор», написал новое письмо. В нем он детально перечислил все необходимое для запланированного им «экстрим-тура», настоял на включении всего перечисленного в «тело» договора на предоставление услуг. Он также потребовал включения в договор конкретной суммы финансовой ответственности туроператора по каждому пункту. Все пожелания «привередливого» клиента были выполнены, однако привели к изменению итоговой суммы стоимости тура, вызванного тем же таинственным «форс-мажором».

Теплоход «Эйс Соя», в строгом соответствии с расписанием, в 10 часов утра местного времени мягко отошел от пассажирского причала порта Вакканай на севере японского острова Хоккайдо и взял курс на соседний Сахалин. 80 морских миль пути пассажирам паромом предстояло преодолеть всего за 6 часов, поэтому свой багаж никто не распаковывал.

Берг также ограничился лишь проверкой почтовых ящиков своей электронной почты, убрал планшет в портфель и, подобно прочим пассажирам, выбрался на палубу.

Разговор с господином Тоси несколько поубавил энтузиазм, с которым Берг решил принять попытку завершить дело более чем 60-летней давности. Подводя итоги этого разговора, Берг был почти убежден в том, что никаких «счастливых совпадений», упомянутых собеседником, не было. А было всего лишь многолетнее долготерпение ведомства господина Тоси, сходное с терпением паука, трудолюбиво раскинувшего свою обширную сеть и дожидającego момента, когда сигнальная «нить» подаст сигнал о том, что последний период 10-летнего затишья в деле об исчезновении сокровища императора кончился.

Пришедшее экспромтом в голову Майкла Берга сравнение с пауком и паутиной на самом деле оказалось необычайно точным. Тогда, 10 лет назад, сигнальная «нить» спецслужбы дернулась впервые за все послевоенные годы: некий русский моряк через канадского собрата по рыбацкой профессии передал семье пропавшего без вести летчика Лефтера его личный медальон. А старики Лефтеры написали письмо в Пентагон – с просьбой дать пояснения в связи с этим обстоятельством.

Ничем не примечательный мелкий чиновник Пентагона, регистрировавший это письмо и переправивший его по принадлежности для ответа и исполнения, дал знать о неожиданно всплывшем медальоне своему нанимателю. Тот должным образом отреагировал, и в дом Лефтеров под видом посланца военного ведомства отправился нанятый актер. Изъятие медальона повлекло новое сотрясение «паутины»: начатое в министерстве обороны внутренне расследование позволило японцам точно установить место, откуда «приехал» медальон.

И Берг поехал на Сахалин в первый раз.

Его миссия не увенчалась успехом: следов совершившего на острове вынужденную посадку «груммана» он не обнаружил. Равно как и следов его пилотов: работа с послевоенными документами в архиве и даже запрос в секретный архив относительно узников нарушителей границы СССР принесли отрицательный результат.

«Паутина» снова замерла в неподвижности, и пребывала в таком состоянии десять лет. Все это время в одном из компьютеров Пентагона тихо «бодрствовал» замаскированный стелс-вирус, представляющие собой шпионскую «тройную» программу. Жесткие диски системы много раз проходили тщательные проверки специалистов, однако «троян», разбитый на сотни малых информационных электронных «пакетов», был весьма удачно замаскирован, и посему неуловим. Программа без ведома тысяч пользователей внутренней сети военного ведомства наблюдала за каждым нажатием клавиш сотен компьютеров этой сети. Но только наблюдала – лишь буквенное сочетание: «л.е.ф.т.е.р.». запустило ее ранней весной 2012 года.

Распознав закодированную команду, «троян» приготовился к действиям. Сам запрос, содержащий имя Лефтера, был самым обычным, таких в военное ведомство поступает великое множество. И компьютер выдал пользователю ответ из базы данных Пентагона – также не содержащий никаких военных секретов. А программа-шпион немедленно продублировала этот ответ вместе с запросом на один из европейских серверов, не внесенных в перечень «лояльных». А сервер, в соответствии с заложенной в него командой, тут же переправил документы по электронному адресу обратно в Америку, в аристократический квартал Вашингтона Чеве-Чейз.

«Паутина» дрогнула.

Человек в квартале Чеве-Чейз, получивший электронное извещение о том, что пропавшим летчиком Лефтером кто-то интересуется, навел справки, в результате чего узнал, что этим интересантом была Национальная лига семей военнопленных и пропавших без вести. Оставалось узнать – кто и по какой причине проявил этот интерес.

Национальная лига имеет свой портал с огромной базой данных, открытой для пользователей не только США, но и других стран. А ее компьютеры не имеют столь изощренной многоступенчатой защиты, как главное военное ведомство страны. Это значительно облегчило человеку из Чеве-Чейз поставленную перед ним задачу.

Нанятый им хакер-системщик без труда проник в базу данных машины Лиги и выдал заказчику электронный адрес исходного интереса. Этот электронный адрес заставил «паутину» яростно затрястись: Лефтером интересовался крупнейший в мире коллекционер холодного оружия доктор Ризенталь из Швейцарии...

В городишко Алтуну на северо-востоке США выехали два человека отнюдь не азиатской внешности, но являющиеся большими патриотами Японии. Они посетили наследников и близких родственников уже умерших Сары и Джорджа Лефтеров, и узнали от них о недавнем визите человека из Национального архива США, которого интересовали старые семейные бумаги ветеранов давно минувшей войны.

Само собой разумеется, что в Национальном архиве о «своем» посланце никто и ничего не знал.

«Паутина» тряслась все сильнее.

Взять «под компьютерную опеку» столь примечательную личность, как доктор Ризенталь, удалось с едва ли не более значительными усилиями, чем военное ведомство США. Тем не менее совокупность добытых весьма скудных сведений об этом человеке позволяла предположить большую вероятность того, что доктор «вышел на тропу охоты» за пропавшим сокровищем японского императора. А аккумулированный им номерной счет в Bank of Nova Scotia на Большом Каймане лишь утвердил эту уверенность в части того, что покупатель уже готов оплатить свое приобретение.

Косвенным подтверждением близости часа икс служил и интерес, проявляемый в последнее время к доктору Ризенталю со стороны штаб-квартиры Интерпола в Лионе, Франция. Большого японская спецслужба, несмотря на свой официальный государственный статус и членство в Интерполе, выяснить не смогла. Интерпол никогда и ни с кем не делился оперативной информацией, а проникнуть в его компьютеры было невозможно.

Но японцы были терпеливы. К тому же на невидимом «балансе» спецслужбы господина Тоси давно и успешно функционировала зомби-сеть с программой Blackdoor, позволяющей удаленно управлять тысячами компьютеров по всему миру.

Никто в нашем мире не живет в полной от него изоляции. Никакой «мистер Икс», как он не отгораживайся от внешнего мира, не может не покупать продукты и товары, не ездить, не летать, не пересекать границы. Исходя из этой аксиомы, специалисты-системщики ведомства господина Тоси составили список контактов Ризенталю, добавили к нему поисковую программу-бот со словом «Сахалин» и запустили ее во всемирную паутину Интернета. Таким

образом, в поле их зрения скоро оказался московский Абвер Самсонов из России, отчего-то зачавший в последнее время на далекий остров у самого края Евразии.

Самсонова начали плотно и в то же время предельно осторожно «опекать», сию же минуту делить последнее звено в цепочке «Ризенталь – Самсонов – Икс». Это последнее звено если и не было непосредственным исполнителем заказа, то имело на него прямой выход.

Между тем спецслужба, занимающаяся многолетними поисками пропавшего национального достояния, подобно ФБР в Соединенных Штатах, не имела официальных полномочий действовать за пределами своей страны. Это обстоятельство сильно связывало тайному ведомству руки и порой вынуждало действовать в обход или с помощью «смежников» из других ведомств. К тому же все японцы по своей натуре чрезвычайно законопослушны. Именно поэтому, обладая значительными и практически неконтролируемыми финансовыми ресурсами для проведения тайных операций, ведомство господина Тоси часто было вынуждено привлекать для их выполнения непрофессионалов вроде Берга. А какой спрос, в случае чего, с непрофессионального «внештатника»?

Вынужденное «простаивать» в течение десятилетия – в ожидании, пока «паутина» затрясется – ведомство господина Тоси все это время беззастенчиво приглядывало и за самим Бергом. Причем речь в данном случае шла не то чтобы о недоверии или опасении предательства. Дело было, скорее, в аналитическом складе ума этого «шпиона в третьем поколении». Сам того не подозревая, Майкл Берг не раз подсказывал профессионалам Тоси пути направления усилий для решения тех или иных задач.

Так случилось и на сей раз. Вернувшись десять лет назад с Сахалина несолоно хлебавши, как говорят русские, он возобновил прежнюю размеренную жизнь писателя, историка и преподавателя Славянского исследовательского центра в университете Хоккайдо. Однако нерешенные загадки «гвоздями» сидели в его голове. И одним из этих «гвоздей» был медальон пилота Лефтера.

Доселе он видел только его фотографию и подробное описание. И сразу обратил внимание на то, что бляшек с личными данными военнослужащего армии США было две. Ответ на вопрос – почему две, а не одна – решило беглое знакомство с историей личной военной амуниции в Интернете. А вот почему у Лефтера эти бляшки-таблички были разными?

Одна представляла собой прямоугольный закругленный по краям кусок алюминиевого сплава с выдавленным именем и цифрами – номером части, группой крови, данными карточки социального страхования. Вторая – нечто вроде сплюсненной подушечки, так же закругленной по краям, но раза в два толще, нежели первая. Выбитые на второй табличке буквы и цифры в точности повторяли первую – однако обратная сторона «подушечки» была чистой, без малейших следов пресса и пуансонов. Почему?

Берг начал активно интересоваться этой загадкой. Однако вразумительно ответить на сей вопрос не могли ни Министерство обороны США, ни Интернет, ни опытные эксперты по армейской амуниции, ни коллекционеры предметов военного инвентаря. Большинство специалистов склонялось к тому, что пилот потерял либо подарил (девушке, скорее всего) одну из табличек и заказал копию первому попавшемуся слесарю.

Но почему этот слесарь не ограничился при изготовлении копии более простой методикой?

Берг с новой силой продолжал рассылать во все концы планеты запросы экспертам и коллекционерам. И добился того, что ведомство господина Тоси тоже всерьез заинтересовалось этим «гвоздем» – благо оригинал хранился в одном из его неисчислимых сейфов.

Экспертам не потребовался химический анализ металла и его молекулярный вес – впрочем, необходимые анализы и измерения все равно были выполнены. Но еще раньше эксперт, поместив потускневшую от времени «подушечку» под настольную лупу, обнаружил на одной из ее ребер малозаметные царапины. Более сильное увеличение показало, что «подушечка»

состоит из двух половинок, подогнанных с величайшей точностью. Ее, разумеется, вскрыли – внутри оказалась небольшая прядь волос – предположительно, женских. И надпись, небрежно или впопыхах нацарапанная каким-то острым предметом. Надпись расшифровке не поддавалась – она представляла собой мешанину из цифр и нескольких явно сокращенных слов. И могла означать что угодно – от номера телефона любимой девушки до координат последнего места службы Лефтера.

Табличку привели в первоначальный вид и снова водворили в сейф.

А для Берга, дабы пробудить его интерес к медальону и незаконченному делу вообще, был специально «организован» ответ одного из экспертов, к которому обращался Берг. В своем сообщении этот эксперт высказывал предположение, что изготовленная на заказ табличка, скорее всего, является тайником.

«Наживка» Бергом была проглочена, и он, найдя в своих анналах телефон господина Осамы, позвонил...

Встретившись с господином Тоси в плавательном бассейне «Олимпус», он тут же получил требуемый медальон – без пояснений со стороны господина Тоси, разумеется. Бергу было предложено совершить еще одну поездку в Россию – в свете новых обстоятельств старого дела. Был выдан Майклу и тщательно отфильтрованный минимум необходимой информации.

Берг узнал о существовании доктора Ризенталя, о сконцентрированной им крупной сумме денег для покупки чего-то весьма ценного. Скорее всего – древних самурайских мечей из коллекции японского императора. Господин Тоси сообщил своему конфиденнту о русском бизнесмене Самсонове, наиболее вероятном партнере Ризенталя. А также о последней электронной покупке господина Самсонова, сделанной им в Сан-Франциско.

Не стал скрывать господин Тоси и того, что его ведомство через подставных лиц сделало американской фирме Clobal STF предложение, от которого компания не смогла отказаться. Таким образом, в распоряжении господина Тоси оказался парный комплект проданного Самсонову оборудования для несанкционированного подключения к спутниковой системе наблюдения. С той лишь разницей, что копия «игрушки» не могла самостоятельно подключаться к спутникам, а «видела» лишь то, что появлялось на экране оригинала, купленного Самсоновым. А он проявлял интерес лишь к небольшому участку восточного побережья острова Сахалин.

– Что вы ждете от моей нынешней поездки на Сахалин, господин Тоси? – прямо поинтересовался Берг.

– Многого, – признался собеседник. – Господин Самсонов, по нашим данным, позавчера вернулся в Москву. И уже успел забронировать билет на самолет до Якутска. К вашему сведению: Якутск находится в Восточной Сибири, всего в двух-трех часах полетного времени от Сахалина. Так что мы не исключаем вероятности того, что он может в любой момент появиться и на острове. Его сахалинский контакт нами, к сожалению, пока не определен. И в этом смысле мы очень на вас надеемся, господин Берг! У нас есть предположения по этому поводу – перед вашим отъездом, если вы согласитесь, конечно, – мы поделимся с вами этими предположениями. Самсонов трижды после своей американской поездки подключался к спутниковой системе наблюдения. Все три раза мы «глядели через его плечо» – это один и тот же безлюдный участок морского побережья, где работают с приборами, похожими на детекторы металла, двое людей. Мы полагаем, что это и есть люди Самсонова.

– Нельзя ли конкретизировать цель и задачи моей поездки?

– Мы предлагаем вам купить один из индивидуальных «экстрим-туров» по Сахалину и отправиться на моторной лодке вдоль восточного побережья острова. За наш счет, разумеется. При полной визовой поддержке и прочей помощи. Вы найдете тех людей, вступите с ними в контакт и... поможете им найти то, что они ищут.

От неожиданности Берг отпустил поручень, за который держался в бассейне, и в его желудке тут же оказалось пол-литра сильно хлорированной воды.

Вспомнив сейчас этот эпизод, Майкл Берг не удержался и довольно громко фыркнул, вызвав опасливый взгляд со стороны двух молодых путешественников-японцев, стоявших у поручней верхней палубы теплохода неподалеку. Японцы, выждав несколько мгновений, переместились подальше, и Берг, видя, какое беспокойство вызвала его несдержанность, счел своим долгом извиниться. Однако его чистый, без акцента японский язык произвел на соседей обратное впечатление, и они отодвинулись еще дальше.

Бергу скоро надоело ловить на себе опасливые взгляды, и он отправился на поиски бара. Там он спросил большую кружку светлого пива «асахи», тарелочку соленых орешков и в одиночестве продолжил припоминать события трехдневной давности.

– Не уверен, что правильно вас понял, господин Тоси, – откашлявшись, медленно сказал тогда Майкл Берг. – Вы хотите, чтобы я помог этим проходимцам найти национальное достояние Японии? Если так, то мои представления о задачах вашего ведомства значительно расходятся с вашими!

Тоси едва заметно улыбнулся:

– Вы превосходный аналитик, господин Берг! – заявил он. – Не считая этого, вы обладаете массой других качеств, которые я желал бы видеть во всех своих сотрудниках. Но вот масштабно-оперативного мышления у вас, извините, маловато. Вернемся к тому, что показалось вам таким странным. Да, мы действительно хотим, чтобы эти проходимцы, включая в их число господина Самсонова, нашли наше национальное достояние! Иного пути у нас, к сожалению, просто нет. Ну, вот как бы вы действовали на нашем месте?

– Не знаю... Наверное, не лишено смысла обратиться к России на правительственном уровне... Довести до русских историю вопроса... Сообщить о незаконных поисках сокровища и попросить содействия. Уверен, что такое содействие мы бы получили!

– А вот я в этом совсем не убежден, господин Берг! Сообщив русским о том, что на их окраинном острове скрыто национальное достояние Японии, мы поставим себя в крайне неловкое и даже уязвимое положение! Уверен, что мой предшественник, господин Осаму, уже развивал с вами эту тему... Даже если бы речь шла о незаконном завладении американцами коллекцией мечей – даже в этом случае реакция русских трудно прогнозируема. А в нашем случае, случае добровольной передачи этой коллекции – с нами вообще не станут разговаривать! Отдали? Ну и решайте свои проблемы с американцами сами! И потом: чем мы можем подтвердить достоверность пребывания коллекции на Сахалине? Тем, что более полувека назад там совершил вынужденную посадку американский самолет? Но ведь характер его груза в полетных документах отражен не был! Да и Америка, я уверен, будет отрицать факт отправки бесценной коллекции императора на обычном грузовом вспомогательном самолете, без должной охраны и сопровождения! Пилоты погибли – причем, заметьте, погибли от рук самих японцев! Мне нужно продолжать, господин Берг?

– И все равно, как-то...

– Хорошо, извольте! Идем дальше. Нам придется публично признать, что японский агент выкрал у несчастных американских стариков единственную вещественную память об их сыне. Нам придется признать, что мое ведомство, не имеющее правительственных полномочий на проведение зарубежных операций, за спиной наших стратегических партнеров, незаконно купило доступ к их глобальной системе спутникового наблюдения военного предназначения. И только с помощью этой системы мы можем подтвердить факт незаконных поисковых работ на месте крушения самолета шестидесятилетней давности... Да после этого взбешенные американцы «повесят» на нас все технические сбои своей спутниковой системы! Все тактические и стратегические ошибки американской администрации за последние годы! Неужели вы действительно не осознаете, господин Берг, глубины пропасти, в которую может завести нас всех предлагаемые вами способы «честного ведения игры»?

– Теперь, пожалуй, понимаю, – после паузы проговорил Берг. – И чем больше я понимаю, тем меньше мне хочется принимать личное участие в этой, с позволения сказать, игре. Вам не хочется подвергать риску правительство Японии, международное реноме нашей страны... Это понятно. А я, господин Тоси? Обо мне вы подумали?

– Я не думаю, чтобы вы чем-то особо рисковали в предполагаемой поездке, господин Берг...

– Вот как? Вы не думаете?! Вы навязываете мне в поездку эту вашу шпионскую игрушку, за одно владение которой я могу получить пожизненную тюрьму у американцев или русские лагеря. Вы ставите передо мной задачу помочь русским проходимцам найти и выкопать сокровище... Я высажусь на берег, где они ищут многомиллионное сокровище, улыбнусь и скажу им: коннитива, друзья, я прибыл к вам на помощь!.. И что же они, скорее всего, ответят мне? Вы можете дать мне гарантию, что на безлюдном берегу мне не ответят пулей и не закопают там же, рядом с сокровищем императора? Может, вы предложите мне устроить на безлюдной побережье пулеметную дуэль с русскими авантюристами, перебить их и с триумфом вывезти сокровище из России?!

– Наша беседа теряет конструктивное начало, – холодно заметил господин Тоси. – В конце концов, мы можете хоть сейчас отказаться от моего предложения, покинуть бассейн и отправиться в душ, забыв обо всем. Но не вы ли сами проявили инициативу попытаться закончить старое дело, начатое вашим отцом! Именно вы мне позвонили, а не я вам! А я всего лишь пытаюсь объяснить вам логику предлагаемых нами действий!

– Я, кстати, так и не услышал от вас разумного объяснения моей сомнительной и явно незаконной помощи русским проходимцам в поисках коллекции, – после длинной паузы заявил Берг. – Я слушаю вас, господин Тоси!

– Прежде всего, давайте успокоимся, – предложил собеседник. – Успокоимся и закончим нашу встречу без истерик. Итак, мы остановились на том, что по официальным каналам мы действовать не можем. Это принимается?

– Допустим, – угрюмо согласился Берг.

– Теперь рассмотрим ваше конкретное участие в поиске сокровища. Как вы понимаете, я не имел в виду ваше личное участие в разбрасывании камней и рытье ям. Совершенно очевидно, что люди Самсонова, которые в настоящее время в поте лица трудятся на побережье, пришли туда не случайно. Они знают примерное место, где летчик шестьдесят пять лет назад спрятал сокровище, но им явно не хватает последней «подсказки»! У них, образно говоря, есть только половинка «карты пирата Флинта». У них есть руки, но нет ваших мозгов, господин Берг! Вы разведчик в третьем поколении, опытный эксперт. Ваше умение делать максимум выводов из минимальных данных просто поразительно! Я уверен, что «ключ» к сокровищам – у вас в голове!

– Вы мне льстите... Не стоит, я не самовлюбленный Нарцисс, господин Тоси! Я решительно заявляю вам, что понятия не имею, где американец мог закопать коллекцию мечей!

– Это всего лишь потому, что вы не знаете, какая информация по этому вопросу есть у этих людей! К тому же, – многозначительно добавил Тоси. – К тому же вы еще не имели возможности детально изучить медальон, который я передал в ваше распоряжение!

– Хм... А что, там есть какая-то подсказка? – немедленно заинтересовался Берг. – Вы уже «распотрошили» медальон и что-то нашли? Двойное дно в нестандартной табличке? Тогда к чему эти «прятки», господин Тоси?

– Вот видите, господин Берг! – невесело усмехнулся Тоси. – Вот видите – вам даже не понадобилось брать в руки медальон, чтобы догадаться о двойном дне! А у нас он пролежал десять лет, и никто даже не задумался – почему таблички разные...

– Так... Но совсем недавно вы все-таки догадались! Признайтесь, господин Тоси, что вы догадались уже после того, как стали читать мою электронную переписку! Так что же там, все-таки?

– Увидите сами. Я не хочу подталкивать вас к выводам, которые могут оказаться ошибочными. И позвольте мне закончить насчет вашей роли в этом деле. Согласно моему плану, вы вместе с этими исполнителями находите сокровище и сразу же исчезаете. Еще лучше будет, если они найдут коллекцию уже после вашего отступления. Самое оптимальное – после того, как вы пересечете границу России. Ваша миссия на этом заканчивается. А наша операция продолжается! Когда сокровище будет найдено, похитителям надо будет каким-то образом вывезти его с Сахалина. И вообще вывезти его из своей страны в Швейцарию. И вот на этом этапе мы сможем заявить о своих правах на эту коллекцию, господин Берг! Мы поможем русским перехватить сокровище. Мы поднимем всю международную общественность! У русских не будет иного выхода, нежели вернуть нам наше национальное достояние!

– Все вроде логично, господин Тоси! – проворчал Берг. – Но я уже чувствую, как у меня в этом бассейне начинают расти жабры! Давайте выбираться отсюда! После теплого душа я сообщу вам свое решение... Если, конечно, еще не поздно, и я, подобно рыбе, не потеряю способности говорить! Скорее в душ, господин Тоси!

Последние детали предстоящей поездки были оговорены в баре спортивного комплекса «Олимпус».

– Вам не стоит долго ходить вокруг русских! – наставлял господин Тоси. – Чем быстрее вы откроете свои карты, тем быстрее найдете с ними общий язык. В прошлом году Самсонов побывал на Сахалине и сразу же после этого совершил краткую поездку в нашу страну. Вернулся он снова на Сахалин. И именно там, мы уверены, он нашел для своего проекта «рабочую лошадку». Исполнителя, который будет таскать для него каштаны из огня.

– А в Японии вы его проследили, господин Тоси?

– Это не составило труда. Кроме решения деловых вопросов своего бизнеса, Самсонов нанял в Токио детективов из частного агентства для розыска деталей того полета «груммана» в январе 1946 года. Ему пообещали найти. Вот под этим предлогом вы и заявитесь к русским «археологам». Вы прибыли из Японии и привезли им то, что просил их наниматель.

– Они свяжутся с ним и попросят разъяснений.

– Не свяжутся. Наши специалисты по системам связи изучили топографию местности, где сейчас работают русские. У нас есть и карта расположения подстанций сотовой связи на Сахалине. Для того чтобы позвонить из той низины, где работают русские археологи, им надо подняться метров на 16–18 над уровнем моря – только тогда скальные массивы не будут препятствовать прохождению сигнала сотовой связи. Как только русские полезут на дерево или на утес, чтобы позвонить, вы, господин Берг, включите сначала сканер, а потом глушилку. Сканер позволит нам определить номер телефона, по которому осуществляется связь исполнителей с Самсоновым. А генератор высокочастотных сигналов наглухо закроет для них мобильную связь.

– Опять шпионские штучки! – вздохнул Берг. – У меня определенно будут проблемы на границе с вашим оборудованием, господин Тоси!

– Никаких проблем. Вы бизнесмен, и повсюду возите с собой этот генератор, чтобы сохранить конфиденциальность бизнеса. Подобное оборудование продается повсюду совершенно легально. Уверяю вас, так делают многие! А что касается сканера в спутниковом телефоне... Его никто не найдет, даже если будет искать.

– А если русские «черные археологи» все же не захотят иметь со мной дело и просто вышвырнут меня со своего Каменного пляжа?

– Если вы убедите их, что не покусаетесь на их долю, то будете там желанным гостем! Уверяю вас, господин Берг! Однако хочу еще раз акцентировать ваше внимание: подсказав

русским «археологам» решение загадки, не задерживайтесь там ни одной лишней минуты! Не ждите, пока они выкопают коллекцию! Удирайте от них, прерывайте свой «экстрим-тур» и поскорее пересекайте границу!

– Мне это не очень нравится, господин Тоси... Выходит, что помогая русским найти сокровище, я одновременно вывожу их на прямую дорожку в тюрьму. Не очень порядочно, вы не находите?

– Они взрослые люди, и вполне отдают себе отчет – на что пошли, господин Берг!

Ретроспектива-7 (октябрь 1963 года)

Город Алтуна, штат Пенсильвания, США

– Мэм, посмотрите на меня в глазок! – взмолился посетитель. – N'ai-je semblable à une mauvaise personne? Je vous ai apporté de très important des nouvelles. Je jure que tu vas le regretter, si je viens de jeter cette lettre dans la boîte aux lettres et est allé¹.

– Джордж, что он говорит? Я не понимаю! – Сара Лефтер бессильно оглянулась на мужа, вот уже пятый год прикованного к инвалидному креслу.

– Это по-французски, Сара... По-моему, он говорит, что пришел с чем-то важным. И что мы будем жалеть, если он уйдет, – неуверенно пробормотал Джордж Лефтер. – Прости, но я давно забыл французский язык, Сара...

Сара поджала губы и вновь приникла к дверному косяку:

– Сэр, мы не понимаем! Мы два старых и беспомощных человека! Если вы что-то продаете – вы напрасно теряете время.

– Oh mon dieu... Archibald Lefter est votre fils?²

– Джордж, по-моему, он назвал имя нашего сына! Вы были знакомы с нашим сыном, мистер? Но он погиб двадцать лет назад!

Человек на крыльце начал терять терпение. Бормоча что-то под нос, он достал из кармана конверт, вскрыл его и вытянул оттуда цепочку, на которой болтались две металлические бляшки. Он поднял руку так, чтобы цепочка была видна в дверной глазок.

– Voyez, madame? C'est le médaillon de votre fils. J'ai apporté son de la Russie...³

– Джордж, я, наверное, все-таки открою! Он показывает какую-то вещь, которая принадлежала нашему Арчи...

– Открывай...

Женщина открыла дверь и посторонилась, пропуская в дом невысокого крепко сбитого мужчину в светло-голубых джинсах и короткой серой куртке. Мужчина, искательно улыбаясь, прошел в гостиную и неловко поклонился инвалиду в кресле. Тот только чуть качнул головой в сторону старенького кресла у окна. Посетитель неуверенно сел, теребя в руках конверт.

Женщина села рядом с инвалидным креслом мужа, взяла его за руку и только после этого заговорила:

– Сэр, а вы не могли бы говорить по-нашему? Вы приехали издалека? Из России?

Посетитель нахмурился, с видимым трудом вникая в смысл слов.

– Oh, non, madame! Je n'ai pas de Russie! Excusez-moi, je marin et passe beaucoup de temps à la mer. J'habite au Canada. Il est à proximité, au nord. Comprenez moi⁴ Я почти все понимаю на английском, но плохо говорю. Возьмите, мэм! – Он протянул женщине конверт. – Я привозил это вещь вам...

Женщина дрожащими руками надела очки и поднесла к глазам цепочку. Рассмотрев выбитое на табличках имя, он уронила руки на колени и повернулась к мужу.

– Джордж, это медальон нашего Арчи... Тут его имя!

– Сара, успокойся! Нам давно сообщили, что наш сын пропал без вести. И его самолет упал в море где-то возле Японии!

– Но теперь он, видимо, нашелся, Джордж! Вот его медальон!

¹ Разве я похож на плохого человека? Я принес вам очень важное известие. Клянусь, вы будете жалеть, если я просто брошу это письмо в почтовый ящик и уйду (фр.).

² Боже мой... Арчибалд Лефтер – ваш сын? (фр.)

³ Видите, мэм? Это медальон вашего сына. Мне привезли его из России (фр.).

⁴ О нет, мэм! Я не из России! Простите, я моряк и много времени провожу в море. Я живу в Канаде. Это рядом, на севере. Понимаете меня? (фр.)

Из глаз мужчины покатались слезы.

– Бедная моя, бедная Сара... Такой медальон надевают все солдаты, уходящие на войну. И если он снят, значит, наш Арчи никогда не вернется к нам...

Посетитель чувствовал себя явно неловко. Он встал, развел руками:

– Je suis désolé que vous apporte de mauvaises nouvelles. J'ai pensé qu'il vous sera facile, si vous saurez⁵.

– Comment cette chose est arrivée à vous? Saviez-vous à notre fils?⁶ – запинаясь, спросил инвалид.

– Oh, non, monsieur! Je marin, vous comprenez? – заторопился моряк. – Beaucoup de baignade. Je l'ai prise dans la mer de poissons sur un grand bateau. Il y a trois mois, nous avons rencontré dans l'atlantique nord Chalutier russe, et son capitaine m'a demandé de trouver les parents de cette personne. Il est enterré dans Russie. Il ya une telle île près du Japon. De Sakhaline, vous comprenez? Là, il tombe⁷.

Моряк направился к дверям. Взявшись за дверную ручку, он оглянулся со смущенным видом, неловко поклонился:

– Извинять меня! Я больше ничего не знать, даже имя тот русский моряк. Мэм, вы писать в э-э-э... как сказать... archives militaires, да! Снова извинять меня!

Дверь за посетителем закрылась, но старики словно не заметили этого. Они держали в руках цепочку, потускневшую от времени, гладили таблички с именем сына. И глядели на его фотографию, висевшую на самом видном месте в гостиной. На этой фотографии молодой и живой Арчи ослепительно улыбался.

Через несколько минут Джордж Лефтер, словно очнувшись, накрыл руку жены своей высохшей ладонью.

– Сара, будь добра, принеси ту коробку...

– Да, конечно... – Женщина вышла из гостиной и через несколько минут вернулась с картонной коробкой.

Старики склонились над ней. В коробке было все, что осталось от их сына – два десятка фотографий разных лет, стопочка писем, присланных им с армейской службы, извещение о пропаже сына без вести, письмо из Министерства обороны США, подтверждающее исчезновение лейтенанта ВВС Арчибалда Лефтера и уведомляющее о праве семьи на выплату положенной компенсации.

– Надо написать им, – неуверенно предположила Сара Лефтер. – Они говорили нам, что его самолет упал в море. Значит, они нашли этот самолет.

– Этот моряк, он что-то говорил о России, – кивнул Джордж. – Об острове Сахалин. У нас есть дома какие-нибудь географические карты, Сара?

Жена покачала головой:

– Я схожу к миссис Риддли. Она учительница, и у нее должны быть всякие карты. Какую именно спросить, Джордж?

– Нам нужна карта, где есть Япония и этот русский остров, Сахалин.

Сара Лефтер вернулась от соседки через несколько минут.

– Джордж, представляешь – Япония и этот Сахалин совсем рядом! Может, наш мальчик тогда, в 1946 году, попал в плен к русским?

– Не говори глупости, Сара! Русские были нашими союзниками в той войне. Они не могли взять его в плен! Бери бумагу и пиши, Сара! Я буду диктовать письмо!

⁵ Я сожалею, что принес вам плохие новости. Я думал, что вам будет легче, если вы будете знать... (фр.).

⁶ Как эта вещь попала к вам? Вы знали нашего сына? (фр.)

⁷ О нет, мистер! Я моряк, понимаете? Много плаваю. Я ловлю в море рыбу на большом корабле. Три месяца назад мы встретили в Северной Атлантике русский траулер, и его капитан попросил меня найти родителей этого человека. Он похоронен в России. Там есть такой остров возле Японии. Сахалин, понимаете? Там его могила (фр.).

Теперь, когда у стариков появилась цель, они словно проснулись от летаргии. Они долго писали письмо в министерство обороны – в Арлингтон, Виргиния 22202, США. В письме был упомянут канадский моряк, принесший им медальон пропавшего без вести почти 20 лет назад сына. Сара отнесла конверт в почтовую контору, а на обратном пути, вспомнив, что Арчи очень любил кукурузные блинчики с кленовым сиропом, зашла в супермаркет и принесла домой целый пакет с разными припасами и даже бутылкой калифорнийского вина.

Десять дней Сара Лефтер по несколько раз в день выходила проверять почтовый ящик, и, подкараулив как-то раз почтальона, взяла с него слово о том, что тот по получению ответа от министерства сразу же непременно позвонит им.

Долгожданное письмо наконец пришло – но оно снова забросило стариков в прежнее серое и беспросветное прозябание. Чиновник из архивного департамента Пентагона вежливо сообщил адресату, что Министерство обороны США не располагает новыми сведениями относительно пропажи без вести лейтенанта Арчибалда Лефтера в январе 1946 года и не имеет никакого отношения к доставке его родителям медальона сына. В заключение чиновник рекомендовал старикам обратиться в Национальную лигу САВПС – семей американских военнопленных и пропавших без вести солдат.

– У этих проклятых чиновников вместо сердца в груди – какие-то мохнатые ледышки! – сердито заявила Сара. – Канадский моряк больше знает о нашем сыне, чем эти бюрократы! Я сама напишу новое письмо – теперь на имя самого главы Пентагона, мистера Роберта Макнамары!

Все соседи теперь были в курсе последних новостей Сары и Джорджа Лефтеров. Они ободряли стариков, припоминали самые различные, в том числе и просто невероятные истории из жизни, так или иначе связанные с счастливым возвращением пропавших без вести людей.

Видимо, поэтому никто и не удивился, когда буквально через два дня после отправки сердитого письма Сары Лефтер в Пентагон к ним в дверь постучал приятный молодой человек в форме Военно-морских сил. Он отрекомендовался офицером для специальных поручений военного ведомства США и принес старикам извинения по поводу необдуманного ответа чиновника архивного департамента Пентагона.

Офицер не отказался от чашечки чая с булочками, вежливо просмотрел вместе с ними военные документы сына и попросил разрешения взять на несколько дней его медальон. Обаятельный молодой человек даже предлагал оформить временную передачу медальона официальной распиской, однако старики поверили посланцу Пентагона на слово.

Вскоре после ухода офицера к Лефтерам явился их сосед, мистер Крански – он принес старикам тарелочку воздушного печенья от своей «старухи» и поинтересовался – что за машина стояла недавно перед их домом?

– Офицер из самого Пентагона? – недоверчиво переспросил мистер Крански. – За каким дьяволом, спрашивается, вашему военному моряку понадобилось брать машину в прокатной конторе Дэвиса? Военные обычно ездят на армейских вездеходах. А на «форде» у вашего дома была табличка этой конторы! Этот офицер – он показывал вам свой жетон или какой-нибудь документ?

Старики растерянно переглянулись: им и в голову не пришло спрашивать у симпатичного военного моряка документы. Сара, вспомнив, что посланец Пентагона забрал медальон сына, расплакалась. Мистер Крански как мог успокоил стариков и пообещал навести справки в прокатной конторе Дэвиса.

Он снова пришел к Лефтерам вечером и принес неутешительные известия. Алтуна была небольшим городком на востоке штата, и всякий новый человек здесь был, как говорится, на виду. Дэвис и его клерки клялись, что не видели никакого офицера в форме ВМС США, а единственным человеком, взявшим вчера синий «форд», был какой-то китайский коммивоя-

жер. Кстати, китаец машину уже вернул: он позвонил в контору Дэвиса и сообщил, что оставил ее у вокзала, а ключи, как это было принято, сунул под задний бампер.

Соседи наперебой успокаивали Сару и Джорджа, уверяя, что имеет место просто какое-то недоразумение. Ну кому, спрашивается, мог понадобиться «смертный» медальон? Это же не денежный документ, не золотая побрякушка с драгоценными камнями, в конце концов... Надо просто написать еще одно письмо военным, потребовать вразумительного ответа по существу и возвращения медальона. И не забудьте пригрозить этим армейским, что они вынуждают вас обратиться в газеты! Этого они не любят и всячески избегают публичности.

Соседи были правы: «лишний» скандал на военную тему Джону Кеннеди, заложившему фундамент полномасштабного вмешательства страны во вьетнамские дела, был ни к чему. Администрация Кеннеди неуклонно увеличивала контингент военнослужащих в Южном Вьетнаме. В декабре 1961 года в Южный Вьетнам были переброшены первые регулярные подразделения Вооруженных сил США – две вертолетные роты, обеспечивающие мобильность правительственной армии. Число американских советников и инструкторов в Юго-Восточной Азии росло в геометрической прогрессии, и к концу 1963 года их число там превысило 16-тысячный рубеж. Советники обеспечивали подготовку правительственных войск, принимали непосредственное участие в боевых операциях. Росли и потери, что не могло не нанести имиджу президента Кеннеди серьезного удара.

Оппоненты и политические противники президента всю использовали такой мощный инструмент давления через общественное самосознание, как аргумент «неоконченной войны» на Тихом океане. Американцы всегда с величайшей серьезностью исповедовали принцип: война не считается законченной до тех пор, пока не похоронен ее последний солдат! Между тем в 60-е годы двадцатого столетия сотни американских военнослужащих числились в графе «пропавшие без вести». Они не были похоронены, и рассчитывать на единодушный патриотизм при таком раскладе было нельзя.

Кроме того, следующий, 1964-й год был для Америки годом очередных президентских выборов, и в США уже набирала обороты очередная кампания. Главным политическим соперником действующего президента считался Линдон Джонсон.

Вступая в президентскую должность, Кеннеди собрал вокруг себя немало ярких личностей – Банди, Раск, Шлезингер, Ростоу. Пригласил он в команду и одного из «вундеркиндов» – так в стране называли десятку талантливых бывших армейских офицеров, спасших «Форд» от банкротства и сумевших в кратчайшие сроки вывести компанию в число лидеров мирового автопрома. Приглашенным «вунденкиндом» был Роберт Макнамара, ставший за год до этого первым президентом «Форд Моторз» не из семьи Фордов.

Роберт Макнамара от лестного предложения принять портфель министра обороны отказываться не стал, хотя и терял на разнице «зарплат» три миллиона долларов в год. Довольно быстро новый министр обороны стал одним из самых влиятельных членов кабинета. В сфере его ответственности оказалась значительная часть решений при выработке внешнеполитического курса США. Не мог игнорировать Макнамара и показаний внутриполитического «барометра» – как никто другой, в конце 1963 года он знал, что стране в ближайшее время понадобится много «пушечного мяса».

Начавшаяся бюрократическая переписка чиновников Пентагона со стариками Лефтерами из Пенсильвании привлекла внимание энергичных молодых людей из имиджевой команды Макнамары. Он твердо был намерен не потерять портфель министра обороны при любом итоге будущих президентских выборов. Неожиданно «всплывший» и тут же исчезнувший личный медальон американского летчика, числящегося пропавшим без вести, сулил неплохие политические дивиденды тому, кто сумеет привязать к этому мутному делу русских. И в малоизвестный до сих пор городишко Алтуна с личного «благословения» Макнамары отправилась серьезная команда.

С помощью ФБР был легко найден «таинственный» рыбак из канадской франкоговорящей провинции Квебек. Он оказался тралмейстером весьма успешной частной рыболовной компании, ведущей добычу и переработку трески в Северной Атлантике. Канадские и русские траулеры работали там бок о бок. Тралмейстер подтвердил, что во время последней экспедиции первый помощник капитана с русского БМРТ «Изумруд» по имени Виталий попросил его выполнить «долг чести» по отношению к семье американского летчика Лефтера, потерявшей сына на исходе войны на Тихом океане.

Канадец, и сам потерявший на фронтах Второй мировой отца и старшего брата, принял поручение с должной серьезностью. Вернувшись из экспедиции, он навел справки и узнал, что семья Лефтеров проживает буквально на границе с Квебеком, так что даже почтовая пересылка медальона не потребуется. Вот он и передал медальон старикам лично – а заодно и обкатал новую машину.

А вот на поисках лжепосланца Пентагона, забравшего у стариков «смертный» медальон их сына, «феды» серьезно споткнулись. Прежде всего, был непонятен мотив похищения – действительно, кому, кроме несчастных стариков, была нужна эта память о сыне? В том, что информация об обнаруженном медальоне «вытекла» из недр самого Пентагона, в ФБР не сомневались – между тем число чиновников, которым могло быть там известно о Лефтере и его медальоне, было весьма ограниченным. Их всех, разумеется, «перетрясли» – и безрезультатно.

«Федам» катастрофически не хватало исходной информации – когда, где именно и при каких обстоятельствах был найден медальон исчезнувшего летчика? Единственной ниточкой к этой информации был тот самый первый помощник капитана с БМРТ «Изумруд». Но большой морской рыболовный траулер «Изумруд» трудолюбиво пополнял рыбные богатства Советского Союза где-то в суровых водах Северной Атлантики – далеко за географическими пределами полномочий ФБР.

Когда Роберту Макнамаре доложили о возникших проблемах, тот, прежде всего из привычки доводить любое начатое дело до конца, снял трубку красного телефона и позвонил однокашнику, который в свое время, как и Макнамара, получил диплом Калифорнийского университета в Беркли. Этим однокашником был Джон Александер Мак-Коун, директор ЦРУ.

Встреча министра и директора была непродолжительной. Выслушав просьбу, Мак-Коун заметил:

– Мне нужна промежуточная информация. А вот лишних встреч, Роберт, нам нужно избегать. Назови мне, пожалуйста, имя одного из своих помощников – если у меня будут новости по интересующему тебя вопросу, с ним свяжутся. Как себя чувствует в Вашингтоне Марта? Передавай ей привет!

Через пару дней министр обороны обнаружил в одной из папок с документами короткое послание, подписанное «Д.А.М.». «Примерно через две недели твоя яхта будет с коротким визитом в Данбаре, Шотландия. Сразу после этого надеюсь получить копченую треску».

* * *

– Мистер Сальников? – высокий грузный мужчина тяжело плюхнулся рядом с моряком на длинную скамью. – Траулер «Изумруд», если не ошибаюсь?

Виталий Сальников настороженно посмотрел на незнакомца. Одет тот был в своеобразную «униформу» всех северных рыбаков – серый свитер грубой вязки и мешковатые брюки. Да и руки у незнакомца, пожалуй, были морскими – огромные красные лапищи, в которых пинтовая кружка темного пива казалась деликатным стаканчиком.

– Да, это я, – признал моряк. – Мы знакомы?

– Нет, сэр! Да это и неважно. Я простой человек, и не буду ходить вокруг да около. Мой канадский друг попросил меня встретиться с вами и передать горячую благодарность за доброе дело, которые вы сотворили.

– Не понимаю, о чем вы толкуете? – Сальников язык себе давно обмозолил, инструктируя своих рыбаков относительно поведения и знакомств в иностранных портах. И теперь ему на своей шкуре предстояло апробировать рекомендуемую модель ухода от нежелательного контакта. Он демонстративно поглядел на наручные часы и сделал знак бармену. – Простите, но мне пора уходить, мистер...

– Перестаньте, Сальников! Никто не собирается вас вербовать и уговаривать предать вашу прекрасную родину! – рассмеялся незнакомец. – Вы действительно сделали доброе дело, и старики Лефтеры, Сара и Джордж, до смерти признательны вам за посмертную весточку от сына! А теперь можете идти, мистер Сальников! Семь футов под килем!

Сальников, поколебавшись, решил еще на минуту задержаться:

– Так им уже передали тот э... печальный сувенир, мистер?..

– Можете называть меня Вильямом. Тем более это и есть мое имя! – Вильям снова гулко хохотнул и одним глотком ополовинил кружку. – Да, им передали вашу посылочку. У меня есть их адрес, между прочим. Хотите записать?

– Не стоит, наверное...

– Как хотите, – пожал плечами шотландец. – Хотя, по правде сказать, жаль! Доброе дело нельзя делать наполовину, мистер Сальников! Вместе с медальоном вы могли дать старикам и столь нужную им информацию об их сыне. Где он похоронен? При каких обстоятельствах погиб? Как к вам попал его медальон?

– Но я практически ничего не знаю и сам! – Сальников подумав, показал подошедшему бармену на свою пустую кружку и поднял вверх два пальца. – Разрешите вас угостить, Вильям?

– Решили проявить инициативу, чтобы не принимать угощения от «агентов капитализма» в иностранных портах?

Вильям по жизни наверняка был смешливым человеком. Однако смеялся он необидно, и Виталий Сальников тоже невольно улыбнулся ему:

– Наш траулер перевыполнил план, у нас были хорошие уловы, и дома всех ждет хорошая премия, – пояснил он. – Вот и вся моя инициатива, Вильям...

– Ладно. Так что там с Арчи Лефтером, мистер? Что мне сказать его старикам при встрече?

– Этот медальон меня попросил при случае передать американцам отец, – медленно начал Сальников. – Это было несколько лет назад. Мой отец был фронтовик, и войну закончил на Сахалине. Есть такой остров в России, Вильям...

– Знаю. Значит, Сахалин?

– Да. Медальон Арчи Лефтера попал к моему отцу случайно: его подразделение окружило и уничтожило группировку японских солдат, попавших в окружение после освобождения Сахалина. Медальон и несколько других личных предметов американского производства были обнаружены в вещмешке убитого японского офицера. А японские солдаты рассказали, что незадолго до последнего боя в плен к группе попали два пилота-американца, совершивших вынужденную посадку на восточном побережье острова. Самурай расстрелял их под скалой и велел подорвать ту скалу, чтобы скрыть следы своего преступления. Вот и все, мистер Вильям! Сам я никогда не был на Сахалине, и не знаю точного места этой трагедии.

– А ваш отец? Может, он помнит?

– Он умер два года назад, мистер Вильям. Когда-то в Европе – мой отец тоже был военным летчиком – его, раненого, привез в госпиталь сержант-американец. Отец до конца жизни помнил об этом и часто говорил мне о том, что за ним остался долг. И попросил, как я уже говорил, передать с оказией этот медальон в Америку.

– Что ж, спасибо еще раз от имени этих стариков и от меня, мистер Сальников! – ладонь Виталия, отнюдь не маленькая, на мгновение утонула в огромной красной лапище шотландца. – Очень жалко, что политики со своими грязными играми разделили людей на нашем «шарик», и заставляют их глядеть друг на друга с подозрением. Надеюсь, что если не мы, так наши дети доживут до той поры, когда для того, чтобы просто сделать доброе дело, им не надо будет прятаться и ловчить! Еще раз спасибо, мистер Сальников!

Шотландец порывисто встал и вышел из паба, на ходу бросив бармену смятую купюру.

* * *

– Джентльмены, мы нашли вашего «липового» офицера-моряка! – сходу, не дав беловоротничковым дебилам открыть рот, объявил собравшимся детектив-федерал. – Это оказалось не слишком трудным делом, но, боюсь, этот парень ни к кому из настоящих заказчиков нас не приведет.

– Кто он? – Филипп Паркинс приготовил блокнот и ручку. – Кто является его заказчиком?

– Эй, не так быстро, мистер! Я же уже сказал, что этот путь оказался тупиковым! – запротестовал детектив. – Составленный с помощью миссис Лефтер фоторобот ее посетителя оказался достаточно верным. А мне, джентльмены, физиономия показалась профессионально-слащавой – если вы понимаете, что я имею в виду. Мы размножили этот портрет, и мои люди отправились по фотоателье, выполняющим заказы для начинающих артистов. Не в Алтуне, разумеется, – это слишком маленький городок. Мы начали со столицы штата, Питтсбурга, и буквально во втором ателье нашего лжеморяка опознали. В ателье сохранился его адрес, мы нагрянули туда и взяли субчика «теплым», прямо в постели! Он и не отпирался, джентльмены!

Детектив обвел присутствующих взглядом.

– Питер Варовски, двадцать шесть лет, начинающий артист. Рассылает свои фотографии по театральным студиям и ждет, пока кто-нибудь откликнется. Не судим, отпечатков пальцев в полицейской картотеке нет. В ожидании театральных предложений перебивается случайными заработками. Ему предложили сыграть роль морского офицера не на сцене, а в жизни. Сказали, что речь идет о пари. Предложили тысячу долларов за «полчаса страха». Он, разумеется, согласился. Ему дали почитать ксерокопию письма в Пентагон, написанного мистером Лефтером. За медальон пообещали дополнительное вознаграждение, но не заплатили, обманули. Форму морского офицера он взял напрокат у старьевщика, подогнал по фигуре у знакомого театрального портного. Его привезли в Алтуну, пересадили в синий форт, взятый напрокат. Там же, в машине, он и переоделся. Выманенный медальон передал своим заказчикам, сел на поезд и вернулся в Питтсбург...

– Но он же видел своих клиентов! Может их описать? – подался вперед Паркинс.

– Не клиентов, а клиента, – уточнил детектив. – Одного. Азиат, по-английски говорит чисто, речь грамотная, произношение вашингтонское. Артист уверен, что не китаец – скорее, кореец или японец. Хотя я, честно признаться, большой разницы не вижу...

– Точно так же, как и азиаты, – кивнул Паркинс. – Для них европейцы все на одно лицо. В общем, как я понимаю, на этом азиатке след оборвался?

– Совершенно верно, сэр! Мои люди обошли все отели в Алтуне и мотели в его окрестностях. Только в одном из них припомнили двух то ли китайцев, то ли корейцев, живших там в интересующее нас время. Расплачивались они наличными, жили тихо, никого не приводили. В номере несколько десятков отпечатков пальцев, и идентифицировать те, что нам нужны, возможности не представилось. Все, сэр!

– Ну, джентльмены? – Паркинс обвел присутствующих на совещании унылым взглядом. – Мне кажется, пора возвращаться в Вашингтон. Полиция бессильна, и...

– Эй, я не сказал, что мы бессильны! – запротестовал детектив. – Не надо передергивать карты, сэр! Дайте нам настоящий, «теплый» след – и мы добудем вам подозреваемого! Я по-прежнему утверждаю, что «темную лошадку» следует искать в своей «конюшне», джентльмены! Именно в Пентагоне работает или сам заказчик, или его информатор, который сообщил заинтересованным лицам о письме Лефтеров с упоминанием медальона!

– Похоже на то! – согласился Паркинс. – Но не забывайте, детектив: мы дважды «просеяли» всех, кто имел или мог иметь информацию о письме стариков. Связи, контакты, финансы, знакомства... И это не считая плановых проверок, проверок при поступлении на службу. Нет, сэр, этого «крота» так просто не найти! За ним угадывается мощная система внедрения. Это не тупой уголовник, за которыми вы обычно гоняетесь, детектив! Не обижайтесь – мне кажется, что гораздо перспективнее поиск тех азиатов, которые наняли актеришку из Питтсбурга.

– Вам так кажется? – угрюмо переспросил детектив. – Скорее всего, они из той же «конюшни», что и ваш «крот». И значит, умеют замечать следы!

Глава восьмая

22

– Ну ты погляди, Миша! – Морин остановился, потер свободной рукой поясницу. – Ты только погляди – опять велосипедное колесо! У порядочных археологов – мезозой, палеозой, а у нас сплошной велосипедозой, мать его! Это какое же по счету с начала нашей «велоэкспедиции»? Восьмое? Они тут раньше вообще пешком не ходили, что ли? Две подковы, один обломок лемеха – а двухколесных друзей-то сколько!

– Я рад уже тому, что ты не потерял пока чувства юмора, Саня! – усмехнулся, тоже останавливаясь, Алдошин. – Вообще-то на копарей-новичков сезон без находок действует растлевающее: теряют кураж и веру в будущее... Начинают бурчать, хаять стряпню приятелей и рвутся в город. А ты уже... Сколько же ты держишься? Одиннадцатый день! И все как огурец!

– Так поначалу-то веселее было, штандартенфюрер! То рыбку половить прикажут, которой здесь отродясь не было, то шнуры натягивать, то от Милки-Подстилки почти двое суток оборону держать, а потом ее эвакуацию производить... Потом пару дней, если помнишь, Миша, мы вообще вздрагивая жили – не гостей, так «гостинца» от Проперухина твоего ждали...

– Ну, так уж и ждали!

– А чего? Ждали, ждали, Миша! Кого-то Проперухин неумный после девок-подстилок под видом туристов к нам подошлет? Лично я ждал человека в рванине, с капюшоном и колокольчиком в руках! – бодро заявил Морин. – А если не прокаженного, то группу чесоточных «гастеров»-дервишей – нам в помощь, чтобы в камнях копать веселее было!

Алдошин хоть и старался слушать «гон» и трепотню приятеля вполуха, но не выдержал и рассмеялся. Хотя в истории с лжетуристами веселого, конечно, было мало...

Милка-скандалистка, которую «подкинули» сбежавшие с Каменного пляжа отдыхающие, оказалась проблемой сама по себе. До лагеря копарей она кое-как добрела уже практически протрезвевшей, с тощим вещмешком и заплывшим от прощальной «дружеской» оплеухи глазом. Прежнюю задиристость она напрочь потеряла, и это, по констатации Морина, было большим плюсом. Однако предательство друзей и оплеуха настроили девицу на иной лад – плаксиво-меланхолический, и это стало целой гирляндой минусов.

Рыдающую Милку как могли успокоили, отпоили таежным чаем и выдали ей несколько картофелин, пластики которой должны были за пару дней «вытянуть» опухоль. Попытались утешить девушку и уверением, что ни в какой карантин ее не отдадут – а в ответ услышали не совсем литературную отповедь:

– Не гоните туфту, мальчики! – уверенно заявила Милка. – Никакие вы не ликвидаторы, а «черные археологи». И ищите здесь не токсические отходы, а какой-то японский клад.

«Мальчики» переглянулись.

– А вот отсюда, плиз, поподробнее! – недобро попросил Алдошин.

– А чего подробнее? Подробности вы и сами лучше меня знаете! Дуру не делайте из меня только со своим «ликвидаторством».

– Барышня, добром тебя просят: расскажи дядям! – присоединился к просьбе приятеля Морин.

– Да пошли вы все!

Алдошин вздохнул, пожал плечами, подтолкнул к Милке ее вещмешок.

– Нам грубияны в команде не нужны. Мы и сами грубить умеем. Собирай свои бебехи, девонька, и пи...уй из лагеря! Куда? А куда хочешь! Я тебя видеть рядом не желаю!

«Девонька» попробовала «взять горлом», оскорбительными намеками на неджентльменское отношение и новыми слезами. Однако Алдошин был неумолим. И сентенции типа «а куда мне идти, я и дороги в поселок не знаю», «у меня ни палатки, ни спального мешка нету» не встретили у него сочувствия. Он взял пожитки «приблудной дочери», зашвырнул мешок метров за пятнадцать от костра и официально приказал Морину:

– Придется тебе посидеть тут, покараулить – чтобы не сперла чего наша «гостья». А я пойду, «подолблю». К костру не подпускать, припасов и помощи не давать... А ты, девонька, – Алдошин повернулся к Милке: – Ты учти: ночи тут холодные, и к костру я тебя все равно не пушу. Так что лучше иди, пока светло. К вечеру до стана рыболовного доковыляешь, может, там мужички по женской ласке соскучились, оставят заблудшую для «хоровых утех»! Хотя тебе, наверное, не привыкать...

Захватив поисковое снаряжение, Алдошин решительно зашагал на «недодолбленную деляну». Как он и предполагал, девице хватило на осознание своего хамского поведения пятнадцати минут. Извинившись, она выразила готовность рассказать все, что «дяде Мише» будет интересно.

Отдохнуть на природе ее пригласила подруга. А подругу, в свою очередь, тот самый Витька-рулевой с лодки. Перед самым отправлением выяснилось, что две подружки едут на природу без кавалеров, однако Витька сразу объяснил, что их задача – «закадрить» двух «папаш», к которым они присоединятся на месте. Что за «папаши» – он объяснять не стал, только предупредил, что компании они, скорее всего, рады не будут. И что телок для того на «халявный выпивон-закусон» на природе и берут. С вполне определенными целями: не кочевряжиться, девственниц из себя «не лепить», а все силы приложить к тому, чтоб «папашам» понравиться и как можно скорее залезть в их спальные мешки.

Потом Витькина гёрла им уже по секрету шепнула, что «папаши» эти – нелегальные археологи, что ищут они какой-то клад и что конечная цель всей «экспедиции» – задержать их на месте как можно дольше, пока Витька не свяжется с заказчиком и не получит дальнейшие инструкции. В том случае, конечно, если они клад тот найдут.

Однако нехитрый план компании был сразу же разрушен «ликвидаторским представлением», которое «папаши» разыграли при попытке компании присоединиться к ним. Витька, конечно, сразу понял, что их «разводят», но вынужден был подыгрывать и делать вид, что поверил. А потом Милка посвоевольничала: основательно «хватив» коньячку, она отправилась поглядеть на «папаш» поближе и все испортила. В ее отсутствие Витька связался с заказчиком, обрисовал ситуацию и, видимо, получил указание сворачиваться. Милка стала тут более не нужна, и ее оставили здесь в наказание.

Подошедший Морин понимающе поглядел на приятеля:

– Думаешь, Проперухин?

– А кто же еще? – сплюнул Алдошин. – Кому еще мы столь интересны?!

– Значит, наш финт с маячком, подброшенным в охинскую машину, его не обманул, – кивнул Морин. – Собственно, ничего удивительного: тот маячок, насколько я понимаю в технике, передавал координаты в режиме реального времени. Проперухин знал о нашем интересе к этому участку побережья, и когда увидел, что сигнал задержался в Стародубском, сложил два и два и направил сюда «группу помехи».

– Так чё теперь со мной-то, мальчики? Можно мне остаться у вас? Пусть хоть фингал сойдет...

– Погоди-ка... Как тебя? Мила? Ага... Как твой Витька с заказчиком-то связывался? По телефону? – Морин многозначительно поглядел на Алдошина.

– По мобиле не получилось, тут связь плохая. Он по рации до него «достучался», уже когда они меня от вас забрали...

– А раньше пробовал?

– Ага, еще когда сюда на лодке плыли. И потом, пару раз пробовал – только шум и треск.

– Понятно. Рация у Витьки какая? – Морин достал из жилетного кармана свой kenwood. – Похожая на эту? Или большая, стационарная?

– Не, у него еще меньше твоей, – шмыгнула носом Милка. – И не kenwood, а на «s» как-то... На неприличное слово похоже...

– Sanyo, – кивнул Алдошин. – Радиус действия у них обычно поменьше, десять километров на открытой местности. На такой, как здесь – максимум пять... Значит, Проперухин совсем близко подтянулся, гнида!

Мужчины, не сговариваясь, подняли головы и огляделись, словно ожидая увидеть поблизости Виктора Семенова.

– Ладно, Мила. Ты пока условно амнистирована. Иди в лагерь, поживешь пока у нас... Пару дней, не больше! – предупредил Алдошин. – Потом отвезем тебя на лодке в Стародубское или Янтарное. Сама понимать должна – с нами тебе нельзя!

– Ну и ладно! Там поглядим! – с надеждой в голосе заключила девушка. – Покемарю пока часок – можно в палатке? В башке гудит после Витькиного хука с левой... А потом, если хотите, сварю вам чего-нибудь к ужину. Только попроще, я не великая мастерица по части кулинарии. Чего другого...

– Ладно, иди, иди! – дождавшись, пока «амнистированная» отойдет подальше, Алдошин повернулся к приятелю: – Что думаешь, Саня? Тебе не показалось, что этот трюк с фингалом и изгнанием может оказаться «постановкой»? Может, проперухинская команда того и добивалась? Разыграли изгнание Милки-Подстилки в надежде, что мы ее пожалеем и при себе соглядатаем оставим... А, Саня?

– Всяко может быть, Миша. Исключать такую версию нельзя. Проперухин-то у нас мэн с фантазией! Надо бы в мешке у нее полюбопытствовать: нет ли там средства связи какого типа sanyo?

– «С фантазией», мать его... Сколько времени золотого приходится терять на все эти «фантазии» вокруг нашей экспедиции! – посетовал Алдошин. – Ладно, значит, так: сегодня от нее избавляться не будем. Вечером у костра попытаем барышню нашу. Может, детали какие-то полезные припомнит? И готовься отвезить нашу прошмандовку обратно к людям, Саня!

Хоть и поворчав, Морин возражать против своей роли Харона тогда не стал. Вслух он согласился с тем, что от приятеля, более опытного копаря, будет больше пользы с «кдюшкой» наперевес. Про себя же Морин подумал, что в свете постоянных прессингов со стороны Проперухина ему совсем не хочется хотя бы на несколько часов оставаться в безлюдном месте в одиночестве. В том, что Виктор Семенов обретается где-то поблизости, сомнений после открытий Милки насчет радиосвязи, не было.

Вытянуть из «подброшенной» девицы ничего ценного больше не удалось. А ее присутствие в лагере создавало массу неудобств, в том числе и в плане назойливых Милкиных поползновений сексуального характера.

Милка оказалась человеком абсолютно без комплексов. И ход ее рассуждений был очевиден: раз уж ее оставили, глупо делить палатку с двумя мужиками «просто так». Тем более что лишнего спального мешка у «папаш» не было, и Алдошин, скрепя сердце, уступил «подкидышу» свой. Уже в первую ночевку Милка предложила себя Алдошину, а ввиду его категорического отказа – Морину. И тут же пояснила, что девушка она современная, и пусть мальчишки не парятся: было бы желание, а ее хватит и на двоих! Намекала она и на то, что понятие «шведской семьи» знакомо ей не понаслышке. Говорила о том, что скотства и сама не любит, но нужно уметь видеть разницу между распушенностью и сексуальными фантазиями.

Получив решительный и дружный отказ, Милка сочла себя сначала оскорбленной, а потом вслух вынесла «мальчикам» свой женский приговор: импотенты...

Даваясь в темноте от смеха, Алдошин вслух посулил «квартирантке» немедленную отставку, и та, повздыхав, успокоилась.

Поварихой Милка оказалась бездарной, и умудрялась, по образному определению Морина, «говнять» даже разогреваемые консервы и концентраты. «Квартирантку» терпели весь следующий день, а когда она принялась неуклюже выпытывать – что же «мальчики» тут все-таки ищут – Алдошин вынес окончательный приговор: все, милая! Завтра утром поедешь домой!

На прощанье, остерегаясь досужих слухов о зарытых на каменном пляже сокровищах, Милке преподнесли свою версию: ищут они здесь не золото с самоцветами, а военные раритеты времен освобождения Сахалина от злых японских захватчиков.

– Пусть треплет об этом, – рассудил вслух Алдошин. – Такого рода копательством местных жителей и сахалинцев не удивишь...

Выпроводив Милку, копари несколько дней трудились в ударном темпе, от заката до рассвета с небольшими перерывами на дневную еду и отдых. Как и предполагалось, Морин довольно быстро обрел навыки заправского оператора металлодетектора, и уже неделю спустя после начала экспедиции Алдошин перестал делать после него «контрольные проходы. Однако то, что «зачетных» находок пока не попадалось, начинало его всерьез беспокоить.

Весь двадцатилетний опыт «черной» археологии говорил Алдошину в пользу того, что его первоначальные рассуждения о наиболее вероятных местах захоронения сокровища были верны. И клад почти наверняка был зарыт в камнях где-то под каменными утесами. Но там «клюшки» упорно молчали, и на их дисплеях ни разу не сверкнули желтые сполохи признаков металла. Ровное пространство Каменного пляжа Алдошин «прозванивал» хоть и столь же тщательно, но все же больше для порядка, практически не веря здесь в удачу.

С Мориным своими сомнениями он не делился – чтобы не сбивать энтузиазма копаряновичка. А сомнения были.

Главным их основанием Алдошин считал вполне возможную погрешность в расчетах компьютерщиков, рассчитавших подводный дрейф затонувшего самолета. Он не причислял себя к дремучим «нигилистам» и отдавал должное научным подходам в любом деле, в том числе и в археологии. Дело было не столько в самой науке – сколько в минимуме данных, положенных в основу компьютерных расчетов.

И сам Морин, и делавший расчеты специалист не отрицали того, что побережьем Каменного пляжа никто и никогда всерьез не занимался. То есть все данные о здешних течениях, объемах водосброса впадающих в море речушек и прочих составляющих были во многом условны. Никто и никогда не исследовал здешнее морское дно на предмет наличия или отсутствия подводных родников, пазух в каменных плитах, особенностей рельефа. Между тем все эти дополнительные факторы могли оказать влияние на медленное перемещение обломков самолета под водой.

Занозой номер два были характеристики грунта, который приходилось «прозванивать». Это был сплошной камень – причем камень, максимально минерализованный морскими солями. Здесь металлодетекторы давали самый большой процент погрешностей – Алдошин лично убедился в этом, не пожалев сил и времени на несколько полевых экспериментов. В двух случаях его «клюшка» по непонятной причине вообще не «увидела» под полуметровым слоем камней специально заложенную «учебную» ржавую рессору. Еще в двух – «оценила» железяку весом под килограмм как цветной металл небольшой массы. Отчего это произошло? В чем причина – Алдошин не знал.

Что же касается предельной глубины качественного «прозвона», то тут каменное плато и вовсе преподносило сюрприз за сюрпризом. Иной раз прибор четко реагировал на металл на без малого метровой глубине, иной раз упорно «не видел» значительную массу на 30-сантиметровой.

Короче говоря, Алдошин впервые в своей копательской деятельности не мог дать гарантии того, что на отработанной им площадке ничего ценного в толще грунта не осталось.

В голову поневоле лезли мрачные мысли о спросе, который непременно учинит с него Абвер. Во время последнего сеанса связи с ним через шесть дней после высадки Алдошина и Морина на Каменный пляж москвич говорил нервозно, требовал «ускориться» и устроил Алдошину настоящую выволочку за то, что тот взял с собой на пляж приятеля. Информированность Абвера неприятно поразила Алдошина, и он едва удержался от вопроса об источнике информации.

– Миша, ты ведь всегда одиночкой был, – укорял Абвер. – Я потому на тебе и выбор свой остановил! Зачем тебе компания? Что за приятель? Что он за человек? Я твой работодатель, и в столь серьезном деле не могу допустить даже гипотетической возможности утечки информации! А ты, выходит, можешь? Как ты с ним будешь рассчитывать? Он знает о том, что вы ищете? Цену вопроса? Имей в виду, повышать процент я не буду! Вот понизить твой гонорар за самодеятельность, наверное, придется!

Для того чтобы обеспечить более или менее устойчивую связь, Алдошину приходилось всякий раз забираться на ближайший утес – на низинное побережье сигнал с ближайшей соты не проходил. А чтобы попасть на вершину, надо было несколько сотен метров продираться через непролазную таежную поросль, вплотную окружающую Каменный пляж. Карбкаться по крутым каменистым осыпям, преодолевать расщелины, часто искать обходные пути... Последующий спуск на плато зачастую был еще более сложным, и Алдошин редко возвращался с телефонных переговоров без новых царапин, порезов и ушибов – а один раз едва не сломал ногу, отделавшись сильнейшим растяжением связок. Но и на вершине скалы звук в телефоне то и дело начинал «плыть» – приходилось не раз поворачиваться вместе с трубкой, переспрашивать собеседника и повторять сказанное самому.

Вся эта «ежедневная проза бытия» не могла не раздражать – а тут еще и «московская истерика» в довершение! Дождавшись паузы в шквале вопросов и обвинений Абвера, он начал объясняться:

– Можно мне хоть что-то в оправдание сказать, Владислав Николаевич? Спасибо... Во-первых, одиночкой я был в период, когда тихо и мирно искал свои черепки и железки на Западном побережье. Ваш заказ привнес в мою жизнь некоторое разнообразие в виде ограблений, «наездов» местных бандюг, вынужденной борьбы с электроникой, которую я не заказывал. Вот и сейчас у меня есть все основания считать, что наш общий друг засел где-то неподалеку, в зоне устойчивой радиосвязи. И возможно, как раз в эту минуту рассматривает меня либо через призмы бинокля, либо другой оптики. В таких условиях работать в одиночку – просто безумие! Между прочим, это и не в ваших интересах в конечном итоге! Отнять у одиночки найденную «игрушку» гораздо легче, чем у человека с подстраховкой – вам никогда не приходило в голову, Владислав Николаевич?

– Ты не дерзи, Миша! Тебя б на мое место!

– А вас на мое! – парировал Алдошин. – Теперь о напарнике. Саня – человек проверенный, знаю его давно. Не трепач, чтобы закрыть эту тему. Он и «наезд» бандюг местных помог мне отразить, и в морском «круизе» недавнем реальную помощь с прибором оказал. И на это место помог с компьютерными расчетами выйти. Если б не он – рылся бы я на пустом месте! Насчет оплаты не беспокойтесь, Владислав Николаевич: вас не обременю, рассчитаюсь с ним сам. Предмет поиска ему известен – без обременяющих и интригующих подробностей. Рыночную цену вопроса Саня не знает. Извините, конечно, что без вашей санкции его пригласил – но перед поездкой у нас с вами был напряг в общении, если помните. Просто не мог с вами обсудить этот вопрос – ввиду вашей недоступности. У меня все, Владислав Николаевич.

– Ладно. Возможно, я был резок, Миша. Сделай скидку на нервы. Ты про главное мне скажи – светит нам с тобой счастьешко или нет, Миша?

– Не знаю, Владислав Николаевич. Просто не знаю. Пока могу сказать, что наиболее урожайные «грядки» на моем «огороде» надежд не оправдали. Но рук не складываем, хвост держим пистолетом!

– Ладно, все тогда на сегодня. Давай на послезавтра тогда сеанс связи определим. Если ты раньше повода не дашь для внеочередного... Как бы хотелось, Миша...

Трубка замолчала, даже обычных шорохов в ней не было слышно. Алдошин выключил «хитрый» телефон и со вздохом начал обратный путь на Каменный пляж. Надо было снова брать в руки «клюшку» и монотонно, метр за метром, «прозванивать» очередной участок в надежде на то, что уж нынче-то прибор взорвется оглушительным победным воем в наушниках и сполохами на дисплее.

Но ничего не происходило – ни на шестой, ни на десятый и одиннадцатый дни. Монотонные будни на Каменном пляже кончились лишь на двенадцатый день.

...Лодку они сначала увидели, и лишь спустя минут десять далекий поначалу стрекот ее мотора прорвался через привычное шипение и плеск волн. Она шла с юга, со стороны мыса Янтарный. Там был рыболовецкий стан, и раз в два-три дня баркас с подвесным мотором проходил мимо копарей в сторону поселка Стародубское, а спустя три-четыре часа обратно. Скуки ради Алдошин и Морин строили предположения о целях этих загадочных поездок и в конце концов порешили, что доблестные рыбаки в отсутствие начальства гоняют в поселок за выпивкой.

Однако сегодня с юга шел не баркас, а немаленькая надувная лодка – причем шла не мимо, а явно к ним.

– Еще один долгожданный гонец от нашего друга Проперухина? – мрачно предположил Морин. – Что-то давненько от него ничего не было, а, Миш? Опять в ликвидаторов играть будем? Или морских дьяволов для разнообразия изображать?

– Поглядим, что за гость... Пошли, встретим, что ли...

Когда лодка подошла к берегу, стала видна намалеванная на ее носовом понтоне надпись: «Прокат». Приятели переглянулись, однако предположениями обменяться не успели: мужчина в штормовке привстал с кормовой скамейки и приветливо помахал рукой:

– Разрешите пристать к вашему берегу, господа! Небольшая авария: средняя секция прохудилась, по-моему...

Приезжий говорил по-русски очень чисто, однако иностранные интонации в его голосе все же чувствовались. Алдошин махнул рукой на берег рядом с ручьем, на котором стояла их палатка.

– Милости просим. Помощь нужна?

– Спасибо. Думаю, что справлюсь, – мужчина взялся за дроссель газа и повел лодку к указанному месту.

– Ну надо же! – вполголоса пробормотал Морин. – Надо же! Секция прохудилась – и как удачно! Как раз напротив нашего лагеря...

Когда приятели подошли к гостю, тот уже успел наполовину вытащить лодку на берег и внимательно осматривал ее мокрые пластиковые борта.

– Точно! Старая заплатка отошла! – констатировал визитер. – Видимо, утром о камень задел. Позвольте представиться, господа: узник японского капитала, как ваши сатирики пишут. Майкл Берг! Писатель, историк, немножко ученый – в общем, так...

Гость вручил приятелям визитные карточки на японском и английском языках.

– Вы знаете, я всю жизнь думал, что японцы – это люди азиатской расы, – с простодушным видом заявил Морин, вертя в руках визитную карточку. – Или вы пережили пластическую операцию, господин Берг?

– Саня, не резвись! – охолонил напарника Алдошин. – Наш гость может обидеться... Но все это действительно интересно, господин Берг! Визиток у нас с собой нет – надеюсь, вы поверите на слово? Я Михаил, а это – Александр...

– Ну, тогда я для вас – Майкл. Просто Майкл. Очень приятно! Вы позволите, господа, закончить ремонт? А потом, если у вас будет желание, поговорим! О'кей?

– О'кей, о'кей, Майкл! – Алдошин взял Моруна за рукав куртки. – Пошли, Саня! А вы, Майкл, как закончите с ремонтом – подходите. Встретим со всем возможным русским гостеприимством!

– Миша, ты чего? – зашипел Морин по дороге к палатке. – Он такой же писатель, как и японец! Или как я – балерина! Пусть клеит свою заплату и убирается!

– Саня, тут что-то поглубже. Разумеется, он не азиат, стопроцентно! Но насчет японского гражданства наверняка не врет! Не удивлюсь, если нам продемонстрируют и паспорт... Давай не будем делать скороспешных выводов – просто подождем. Давай-ка быстренько соорудим «гостевой завтрак» и послушаем этого Майкла.

– Начальник тут ты, герр штандартенфюрер! – пожал плечами Морин. – Как скажешь... Может, мне поискать в рюкзаках завалившуюся балетную пачку и исполнить перед гостем из Японии танец маленьких лебедей? На десерт, так сказать?

– Успеешь. Давай, шевелись! А я пока пойду, соберу снаряжение с участка... Возможно, до обеда оно нам не понадобится, а тучи с моря ползут к дождю!

Минут через сорок визитер подошел к костру с небольшой стопкой книг в одной руке и «Макбуком-Аэро» в другой.

– Вот, позвольте вам вручить! – он протянул книжки. – На русском языке, правда, нет, тут японские оригиналы и переводы на английский. Подписать?

– Ну, а как же! Случай-то какой! – с ходу начал ерничать Морин. – Плывет лодка по морю, глядь – с нее сходит писатель! Не поверит ведь никто – подпишите, господин историк! Только скажите, ради бога, о чем книжки-то? Или вы и сами не знаете, так сказать?

Берг хмыкнул, покрутил головой. Присел на приготовленный для гостя парусиновый стульчик, сложил руки на коленях.

– Я вижу, Михаил, и вы, Александр, люди прямые. И не очень верите мне... Ладно, давайте поговорим прямо! Я настоящий писатель, не менее подлинный историк и преподаю в университете Саппоро. Тем не менее я приехал сюда для того, чтобы встретиться с вами, господа!

– Прямо из Японии приплыли? – невинно перебил Морин. – Как интересно!

– Дальше будет еще интереснее, Александр! – улыбнулся Берг. – Я приплыл на пароме, а лодку и снаряжение мне дала Сахалинская туристическая компания, продавшая мне экстрим-тур по побережью. Но ближе к делу. Скажите-ка мне лучше, господа: вы ведь знакомы с господином Самсоновым?

– Никогда в жизни не видел! – тут же заявил Морин.

– Угу... А вы, Михаил? Судя по вашему снаряжению и тому, что я застал вас именно в том месте, где и ожидал, вы не можете не знать господина Самсонова!

– Допустим, – Алдошин смотрел на визитера тяжелым взглядом. – И что дальше?

– Я привез вам кое-что. Можно сказать, что от господина Самсонова...

– А если я вам скажу, что только позавчера разговаривал с ним по сотовой связи, и он ни словом не упомянул о том, что кто-то и что-то должен мне привезти? Я могу набрать его номер прямо сейчас, и если он подтвердит ваши полномочия, Майкл, я извинюсь перед вами!

– Набирайте! – устало улыбнулся Майкл. – Но сию минуту не получится: чтобы выйти на связь, вам нужно будет вскарабкаться во-он на ту скалу! А я могу вам заранее сказать, что связи с господином Самсоновым второй день нет. Желаете проверить? Или позволите мне привести дополнительные аргументы в пользу того, что я говорю правду?

– Валяйте, Майкл! Послушаем сначала вас!

– Хорошо. Вы впервые встретились с господином Самсоновым здесь, на Сахалине, и он предложил вам поискать здесь, на восточном побережье... кое-что. Он дал вам исходную информацию для начала поиска и честно предупредил, что информация неполная. Кое-какие дополнения он пообещал привезти вам из Японии, кое-что поискать в... других местах. Вы тоже получили направления для поиска. Из Японии Самсонов вернулся с пустыми руками и сказал вам, что информации пока нет. Что ее, по его поручению, начали искать частные детективы. Это факты. Дальше идут предположения. Судя по тому, что вы начали поиск нужного господину Самсонову раритета в нужном месте, кое-какую информацию вы добыли. Но точного места вы не знаете: в «мозаике», которую вам удалось сложить, не хватает «ключевого кусочка». Вы можете ходить с металлоискателями по этим камням до второго пришествия, и ничего не найдете! Потому что этот «кусочек мозаики» у меня в кармане!

– Майкл, вы кто? Полицейский офицер? Сотрудник Интерпола? – с видимым спокойствием поинтересовался Алдошин.

– Нет. Я частное лицо. Мой наниматель выполнил поручение господина Самсонова и нашел то, о чем он просил. Вот...

Берг вытянул из кармана за цепочку «смертный медальон» американских военнослужащих, и в его руке закачались, коротко звякнув, две таблички белого металла. Алдошин бросил на Морина мгновенный взгляд. Мысли понеслись вскачь, он не знал – чему можно верить.

– Я не верю вам... Майкл. Почему вы не привезли медальон самому Самсонову? Вам ведь наверняка должны были заплатить за него! И хорошо заплатить! А мы не можем: у нас просто нет денег!

– Я привез его вам потому, что хотел сэкономить время: ведь он все равно передал бы его вам! А у господина Самсонова временные, скажем так, неприятности. Нет, не по этому делу! Хотя черт его знает – может быть, и по этому. Вы не поверите, Михаил, но я ведь даже не знаю, что именно вы тут ищете! Это не мое дело! А что до денег... Я не собираюсь требовать у вас никаких денег. Видимо, мой наниматель либо уже получил их, либо имеет гарантии, что получит. Не знаю, право!

– Хорошо... Допустим... Допустим, что вы говорите правду. Вы не полицейский, не Интерпол, а частное лицо. Но кое-что не сходится, Майкл! Какого черта ваш частный сыщик посылает в Россию с медальоном писателя и историка? А не едет сам?

– Все очень просто: помимо всего прочего, я признанный международный эксперт по... разгадыванию загадок, Михаил! Информация в медальоне не указывает точного места нахождения того, что вы ищете. Она лишь дополняет ту часть информации, что есть у вас! Давайте прекратим разводить дискуссии, Михаил. Я передаю вам медальон, и вы пытаетесь решить загадку сами. Не решите до вечера – передаете мне и мои, и ваши материалы, и я пытаюсь вам помочь. А потом я уезжаю – в любом случае! Даже если вам или мне удастся решить эту загадку. Поверьте, я не хочу никаких неприятностей с русскими властями. И если вам суждено найти то, что вы ищете, я не желаю быть поблизости!

– Миша! Все это – полный бред какой-то! – закричал, словно внезапно разбуженный, Морин. – Господин писатель, или кто вы там... Спасибо за компанию, как говорится! И счастливого пути! Вместе с медальоном и вашими дедуктивными способностями! Оставьте нас в покое! Мы мирные археологи, роемся тут, ищем себе на пропитание старые гильзы и кокарды, и не желаем никаких международных осложнений!

– Что ж, я могу и уехать, – Майкл бережно спрятал медальон в верхний кармашек штормовки. – Жаль. Прежде всего того, что нет связи с господином Самсоновым! Я уверен, что он... Что он убедил бы вас не пренебрегать возможностью выполнить заказ доктора Ризенталья из Швейцарии! Кстати, если вы не знаете: если господин Самсонов не выполнит условий согла-

шения с Ризенталем, то вынужден будет уплатить ему крупную неустойку! Как вы понимаете, он отнюдь не будет благодарен вам за это!

Берг встал, коротко поклонился. И, уже повернувшись, бросил через плечо:

– Я все-таки побуду у своей лодки часок: мне просто жаль времени, которое потрачено на эту поездку. Передумаете – поработаем вместе. Кстати, вот мой японский паспорт. Чтобы вы знали: у всех агентов спецслужб Японии гражданские паспорта изымаются при поступлении на работу! Я заберу его у вас через час, господа!

Проводив Берга безучастным взглядом, Алдошин без особого интереса полистал японский паспорт и тоже встал.

– Саня, иди в палатку. Заряди ружье и сиди там тихо, как мышь! Следи за этим... писателем! Приблизится к палатке – стреляй! Как друга прошу! Кое в чем он наверняка сказал правду: в медальоне – наверняка может оказаться ключ к поиску. Но без документов и фотографий из моего рюкзака этим ключом нечего открывать, понимаешь?

– А ты куда, Миша?

– Полезу на скалу, попробую все-таки дозвониться до Абвера. Хотя, я думаю, этот «европейский японец» и тут не врет!

– Я стрелять не стану, Миша! – покачал головой Морин. – Ты что, спятил?! Я не «мафик» с волосатой грудью и минимумом мозгов! Выстрелить в иностранца и сесть в тюрьму лет на десять?! Да хотя бы и не в иностранца... Нет, Миша, и не проси!

– Саня, ты ведь не дурак! И наверняка понимаешь, что звонить нужно! Он просто вынуждает меня позвонить! Я полезу на утес, будь он трижды проклят... А если ему только и нужно, чтобы ты остался в палатке со своими принципами один? Придет и заберет бумаги... Ты хоть представляешь себе, что сделает с нами и нашими семьями Абвер, если сокровище японского императора «проплывет» мимо него? И неустойка еще... И «десятке» радоваться станешь, да поздно будет, Саня!

– Ты просто бредишь, друг! Если им так нужны твои бумаги, приехали бы сюда командой. И не стали бы тут игры-угадайки разводить!

– И еще они слишком много знают, Саня, – Алдошин словно не слышал приятеля, с силой тер лоб ладонью. – Не знаю – откуда, не знаю, что и думать... Абвер откуда-то знает, что я приехал сюда с напарником, с тобой... Этот Майкл прибыл из Японии, никогда здесь не был, но знает, что для звонка мне нужно забираться на скалу. Откуда, Саня?! Откуда он может знать, что у Абвера неприятности? Въездная виза у него датирована вчерашним числом. И Витка Проперухин где-то неподалеку... Может, это и вовсе одна команда, Саня? У меня просто голова кругом!

– Ну, вот видишь! Сплошной туман! Тут посидеть надо, обдумать все, проанализировать, а ты – «стреляй, друг!».

– Ладно, поступай как знаешь. Только помни, я тебя насчет Абвера предупредил. А я все-таки попробую! Если дозвонюсь – решение всех проблем возьмет на себя он!

– А если нет?

– Тогда решение придется принимать нам...

Привалившись к мягкому, нагретому неярким солнышком боку надувной лодки, Берг искоса наблюдал на русскими авантюристами. Как и предполагалось, старший все же решил попытаться дозвониться до своего шефа.

Берг хмыкнул, подключил к раскрытому «макбуку» миниатюрный генератор высокочастотных помех, набрал на клавиатуре команду. На коробке генератора рядом с окошком «ON» загорелся красный светодиод. Теперь ни один сотовый телефон в радиусе полукилометра не смог бы соединиться с «сотой» ближайшего ретранслятора.

Он не стал подключать к «макбуку» GPS-TRACER, упрятанный в корпус multifunctional спутникового телефона – чтобы за несколько секунд до «глушения» мобильной

связи определить идентификационный код трубки, номер сим-карты и получить возможность перехвата всех разговоров абонента. Зачем? Он ведь не профи, не агент спецслужб. И выполняет здесь конкретное частное поручение, платит долг отца...

Алдошин тяжело плюхнулся у костра, поморщился, вынул из-под себя острый камешек, швырнул его в огонь.

– Наш писатель как сидел у лодки, так и сидит, – доложил Морин. – Раскрыл ноутбук, таращится туда. Попыток убить меня или подкупить не предпринимал...

– Браво, Саня... Бодрость духа не теряешь! – Алдошин помял рукой подбородок. – У меня тоже по нулям. Дозвониться, как и предсказывал наш гость, не удалось. Набрал текст СМС-сообщения Абверу, включил режим автодозвона и оставил телефон на вершине. Появится связь – уйдет эсмэска.

– Что делать будем? Писатель-то, смотри, собираться начал. Сейчас за паспортом своим придет...

– Дико все это, Саня, но выхода пока я не вижу. Попробуем «поиграть» по предложенной этим Майклом схеме. Надо поглядеть, что за ключ у него в медальоне. Зови его, а я пока бумаги достану...

– Одна из табличек медальона нестандартная, разборная. Видимо, была заказана пилотом для хранения локона любимой девушки. Внутри одной из половинок нацарапано вот это, – Берг положил на колени Алдошину фотоснимок. – Как у вас с английским, Михаил? Сами разберете или помочь?

Алдошин некоторое время разглядывал строчки нацарапанных каракулей. В первой «90 yd m.d. arrow», во второй – «2 iron tools» с подрисованной стрелкой, в третьей – «second dir. my name». Английский он знал, как говорится, с пятое на десятое. Кое-как смог бы, наверное, объясниться с иностранцем – но не более.

– Тут проставлено расстояние, 90 ярдов. «Arrow» – это кажется, «стрелка». Сокращение «m.d.» – понятия не имею, что это может означать... Во второй строке «tools» – это «инструменты», и снова «стрелка». Третья строка – вообще бред какой-то: «второй» – дальше сокращенное слово – «мое имя».

– Первое сокращение, «m.d.» – это, скорее всего, «main direction». По-русски – «главная линия», или «главное направление», – пояснил Берг. – Во второй строчке написано: два железных инструмента. «Second dir.» в третьей строчке я бы перевел как «второе направление». С «моим именем» получается: «второе направление моего имени». Михаил, есть у вас какие-то соображения?

– Пока ничего конкретного, – признался Алдошин.

– Давайте меняться! Я дал вам свой кусочек «мозаики», выкладываете свой! Будем думать вместе!

Алдошин без колебаний вынул из пластиковой папочки копию последнего листочка из записной книжки пилота, обнаруженного в следственном деле особиста Гонтаря.

– «Два плюс один, детали смотри в «med.» Ну, «med.» – это «медальон», понятно, – начал рассуждать вслух Берг. – Две стрелки, два направления... Очевидно, груз был разделен и спрятан в двух местах. Девяносто ярдов – расстояние, в метрической системе примерно девяносто пять – сто метров. Только от чего? От берега? От самолета?

– Самолет мы нашли, только не здесь. Примерно в полутора километрах отсюда, на глубине двенадцати метров. Расстояние метров сорок пять – пятьдесят.

– Минуточку, Михаил: самолет там, а вы ищите здесь. Почему?

– Искали и там. Пусто! Почему здесь? Потому что дно у Каменного пляжа очень интересное – почти сплошная каменная плита. Гладкая, как асфальт. Приливные течения, водосброс нескольких речушек, частые шторма... Ввели все это в компьютерную программу, попробо-

вали рассчитать подводный дрейф – получилось, что за шестьдесят пять лет самолет отнесло отсюда примерно туда.

– Умно! Почти талантливо, – похвалил Берг. – Но «привязки» к конкретному месту я пока не вижу. Могу я поинтересоваться – откуда у вас страничка из записной книжки летчика?

Подумав, Алдошин рассказал про восстановленную им цепь событий зимы 1946 года, про следственное дело дознавателя, найденное в спецархиве. Берг слушал очень внимательно, не перебивая.

– Значит, «грумман» совершил вынужденную посадку в случайной промоине на ледяном панцире недалеко от берега. Летчики спрятали груз и попытались выбраться к русским властям, но попали в лапы японских солдат-окруженцев и были убиты. Часть личных вещей пилотов была присвоена сначала японским офицером, потом русским следователем. В частности, записная книжка, – констатировал Берг и внимательно посмотрел на Алдошина. – Будьте откровенны, Михаил! Это все, что вам известно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.